

СЕЛИН СААДИ
АСЯ ПЕТРОВА

ТЫ ВЫБРАЛ ОСТАВИТЬ НАС В ВОСПОМИНАНИЯХ

РАЗВОД 644 СКВОЗЬ ОБМАН

Селин Саади

Развод в 44. Сквозь обман

«Литнет»

2025

Саади С.

Развод в 44. Сквозь обман / С. Саади — «Литнет», 2025

— Подождите, это, наверное, ошибка! Курьер, улыбаясь, протягивает мне громоздкий букет. — Фамилия заказчика - Баринов, — отвечает он, а внутри меня разливается тепло. — Тогда ошибки нет, — довольная, забираю шикарную композицию из соцветий. Муж превзошел сам себя. Это совсем на него не похоже. С замиранием сердца, волнуясь, как девчонка, достаю записку. Правда, как только раскрываю её, в груди мгновенно разгорается адовое пламя. Пульс бьется прямо в висках, а ноги подкашиваются. Я оседаю на стул, роняя милейшее послание, адресованное некой Сонечке... Только вот моё имя - Илона. Героев ругать можно, авторов нет) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ♥#

© Саади С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4. Герман	12
Глава 5	14
Глава 6. Герман	16
Глава 7	18
Глава 8. Герман	20
Глава 9	22
Глава 10. Герман	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15. Герман	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	44
Глава 21. Герман	46
Глава 22	48
Глава 23. Герман	50
Глава 24	53
Глава 25	55
Глава 26	57
Глава 27	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Просматриваю запись клиентов на месяц, вижу тех, кого жду на коррекцию и высчитываю количество новых.

Мой кабинет оборудован в салоне, куда я как раз недавно взяла еще одного мастера.

Косметология — это то, что увлекало меня всегда, а если быть точнее, то медицина. Но врачом, как хотелось в детстве, не получилось стать. Зато уйти в дерматологию, а в последствии заняться столь популярными инъекциями, почему бы и нет.

К тому же, я не намерена заниматься только инъекциями красоты, как сейчас это модно назвать. Большая часть моих клиентов приходят с проблемной кожей, и мы долгими сеансами и всяческими процедурами лечимся и доводим ее до здорового результата.

В идеале, мне хотелось бы открыть свой салон. Но я как-то просила у мужа помощи, чтобы он рассчитал и вообще оценил рентабельность сего мероприятия. И вот, посидев с ним с пару часов, мы пришли к выводу, что будет комфортнее арендовать место, куда можно вести своих клиентов. А когда уже будет весомая база конкретно моих постоянников, тогда и двигаться в сторону того, чтобы обзавестись личной бьюти студией.

Мой муж, в этом плане, сам вырос до масштабов, где его компания далеко не последняя в списке. И это только своими силами, без помощи богатых родителей или каких-либо инвесторов.

Очень упорно и маленькими шагами.

Он долгое время был обычным рядовым ИП, а уже когда пошел на более крупные ставки, вот тогда то начались иные заказчики и более интересные контакты. Он у меня занимается охранным бизнесом, и надо сказать, что в попечении у них и школы, и сады, и магазины.

Все то, что когда-то казалось для него недостижимым.

Безусловно, отдает супруг достаточно, и порой, основная жертва — это семья. Нет, Герман, всегда старается уделять время и пытается совместить все.

Однако, разве это приятно, когда выбившийся из сил, он пытается показывать настроение, если мы с сыном тянем его в ресторан... Конечно, нет. Потому мы понимаем и даем ему возможность отдохнуть и выдохнуть.

Ян, в принципе, перестал искать встречи или времяпровождение с нами. Понятное дело, самостоятельная жизнь, уже даже не университет, а работа... Но мне, признаться, порой не хватает. И что наиболее печально, не хватает их обоих.

Возможно, сказывается, что я родила сына в девятнадцать, Герману тогда было не шибко больше, двадцать.

Мы толком ничего не понимали, не знали и, по существу, не имели и не умели. Пришлось крайне быстро подстраиваться под реалии новой жизни. Не скажу, что это было легкое время, отнюдь. Но оно было очень счастливым.

Помню, как сделали тесто, чтобы отпечатать слепки ручек и ножек сына. Боже, столько радости было, несмотря на то, что не было денег даже на готовый набор. Но эти минуты, наполненные настоящими фейерверками эмоций навсегда в моей памяти, потому что это наша история. История нашей семьи, порой радостная, местами сложная, но определенно счастливая.

Поворачиваю голову в сторону, и будто вижу, как за стеной гостиной, в спальне на комод стоит та самая рамка с тестом, на котором отпечатки маленьких рук и ног Яна.

Убеждена, что и Герман помнит те мгновения. Как и то, что нам было отчаянно страшно, но мы ни на секунду не сомневались, что сын должен появиться на свет.

Заканчиваю внезапную минутку ностальгии по прошлому и, отметив время заинтересовавших меня клиентов, я закрываю ноутбук, улыбаясь собственным мыслям.

Записи сегодня лично у меня нет, работает мой новый косметолог, поэтому я смело иду на кухню, чтобы приготовить ужин.

Утром Гера сказал, что придет к семи, поэтому хорошо, что я заранее достала рыбу из морозилки. Я и сына звала, но тот серьезно занят своими делами и пообещал приехать в другой раз.

В любом случае, скоро придется это сделать, потому что у него через месяц с лишним день рождения. А мое правило с нами всю его жизнь — день рождения всегда с семьей.

Дальше в другой день пусть хоть всю Москву у себя собирает, но двадцатое мая только в компании матери и отца, нередко еще бабушек и дедушек.

Достаю лимон, разбрызгивая заранее подготовленные стейки, и включаю духовку прогреться. Спустя десять минут когда стейки отправлены запекаться, я накрываю на стол. Ставлю салат и немного риса, если муж захочет.

Он обычно ест только с гарнирами, конечно не всегда, но стараюсь, чтобы либо было достаточно заказано, либо приготовлено, если я располагаю временем взять это на себя.

Снимаю фартук, убирая его в ящик, и в этот момент как раз звучит звонок видеофона.

Странно, у Германа есть ключи, и даже не в одном экземпляре в машине.

Иду в холл, минуя гостиную и столовую зону, а в момент, как подхожу ближе вижу на экране курьера, который держит букет цветов.

Странно.

Улыбка невольно тянется на губах, и я нажимаю на ответ.

— Здравствуйте, доставка, — озвучивает он.

— Я не заказывала, — это наверное ошибка, не мне.

Я сама себе не делаю подобных заказов, а Герман дарит мне белые орхидеи с его двадцати. Поэтому этот роскошный букет с розовыми пионами, декором из веток эвкалипта и лавандой, точно не мое.

— Сюрприз, — озвучивает курьер, улыбаясь, а я все еще с долей скепсиса реагирую на это.

Но дверь тем не менее открываю, чтобы доказать, что явно перепутали с доставкой.

Пока жду курьера, сомнения все же атакуют голову...

А может быть это все таки Герман? Вдруг решил порадовать? Может быть я забыла и сегодня какая-нибудь дата?

Но нет, поженились мы летом, а познакомились осенью, совсем не то...

Наконец, курьер звонит в дверь квартиры. Открываю, а он тут же протягивает эту безумную красоту, еще и увесистую вдобавок.

— Подождите, это наверное ошибка, — пытаюсь я снова надавить, но молодой человек непреклонен.

— Фамилия заказчика — Баринов, — отвечает он, а я мгновенно улыбаюсь.

— Нет, тогда ошибки нет, — чуть краснея, я озвучиваю, и он кивает, не пряча своей ответной ухмылки.

Довольный собой, выполнив свою работу, он уходит, а я захлопываю дверь и принимаюсь к шикарному букету.

Вау.

Баринов превзошел сам себя. Вот как его можно не любить?

С одной стороны, сухарь сухарем, а с другой... Это...

И ведь всегда так было, бывает немного жестковат, но я ведь знаю, есть в нем нежность. Просто она внутри, и нужно немного покопаться, чтобы увидеть ее.

Иду на кухню, чтобы найти самую большую вазу, а по пути вижу уголок записки, что торчит из соцветий.

Кладу огромную цветочную композицию на стол и с девчачьим предвкушением достаю записку.

Я помню, когда родился Ян, тогда Герман мне тоже купил огромное количество длиннющих орхидей. И с тех пор, на каждый день рождения сына уже двадцать пять лет я получаю их же. В разных расцветках, но неизменно их.

Не пряча улыбку и чувствуя, как в душе цветут такие же цветы, я открываю записку.

Медленно, словно дождь смывает краски радости, сползает с губ улыбка. Рука, держащая записку дрожит, а я ощущаю, как в груди сейчас горит адовое пламя. Сглатываю, пытаюсь смочить пересохшее горло. Сердце отбивает удары через раз, и кажется с каждой секундой замедляется. Еще немного и оно остановится, то ли от шока, то ли от боли.

В глазах собирается влага, и я смотрю в одну точку, осознавая масштаб того, что я только что узнала. Пульс стучит прямо в висках, а ноги подкашиваются. Грузно оседаю на стул, роняя на пол милейшее послание для некой Сонечки.

Глава 2

Я не рублю с плеча... Обычно. Хотя все зависит от настроения, и сейчас от моего прекрасного расположения духа не осталось и следа. На глаза падает пелена злости, я не верю в происходящее, в голове тут же выстраиваются цепочки, пока не очень логические, но все же.

Возможно, это просто ошибка. Перепутали имена... Было бы проще в это поверить, если бы они были хотя бы созвучными. Но имя Илона и София не совпадают ни по каким признакам.

В сердце поднимается буря, и это, ставшее в миг неприятным, женское имя сейчас для меня, как красная тряпка для быка.

Я не привыкла выяснять отношения, бить посуду и ругаться с пеной у рта. У нас никогда с Германом не было в жизни ситуаций, чтобы мы, как два истеричных идиота рвали на себе одежду и волосы. У нас были кризисные моменты, которые решались сидя за столом. Только через диалог.

Сейчас я себе не могу позволить поступить иначе. Хотя, впервые в жизни появляется желание разбить о пол вазу, в которую я планировала поставить эти красивые чужие цветы.

С этой минуты ненавижу пионы.

Иду в комнату и нахожу свой блокнот, вырываю оттуда листок. Царапаю на этом листке колкий ответ, с ноткой язвительности.

Наверно, стоит позвонить мужу и узнать, что это за ошибка. Ошибка ведь? Но я решаюсь на более креативный способ.

Вызываю Яндекс курьера, который приезжает через пятнадцать минут. Специально выбираю тариф, чтобы букет доставили как можно скорее к мужу в офис. Делаю все с такой улыбкой, что и не догадаешься, какие демоны сейчас сидят у меня в груди и дерут ее в клочья.

Я просто надеюсь, что Герман как-то объяснит. Я искренне хочу услышать, что это ошибка. Но с аргументами! С такими, чтобы можно было поверить в нелепую случайность. В обратном случае...

Я же не прощу.

Он знает!

Я принципиальная до мозга костей, я не смогу жить с мужчиной, который меня не уважает. А измена — это неуважение.

Время тянется как улитка, я выпиваю уже вторую кружку любимого капучино, с нервным ожиданием покусывая кончик большого пальца.

И наконец, на экране телефона высвечивается имя мужа, с алым эмодзи в виде сердца рядом.

— Родненький, если я сейчас скажу, что ты все не так поняла, это будет полный отстой, да?

— Ну хоть что-то скажи, — в голосе нотки стали. Я не специально это делаю, я сейчас и правда, как арктический лед. Впрочем... Это ненадолго.

Встаю с места, потому что сидеть ровно не получается. Хожу из стороны в сторону, а тахикардия, то ли от волнения, то ли от выпитого кофе бьет по вискам со всей силы.

— Это букет от Костяна. Для его новой пассии.

— Ага, — подхожу к окну, откуда из приоткрытой форточки пробивается свежий весенний воздух, — Что он тогда делает в нашей квартире?

— Новенькая помощница все перепутала. Илон, я понимаю, что звучу нелепо, — это еще мягко сказано, — Но ты сама можешь позвонить моему брату и спросить. Он подтвердит мои слова. Да и пионы я тебе никогда не дарил.

Вроде и сладко звучит, но все равно внутри все тревожится, не находя покоя.

— И не дари их мне никогда! — все еще сильно злюсь на него. Даже если и не виноват, мне нужно сбросить напряжение, иначе я лопну, как шарик от негодования.

— Не буду, Илош. Не буду, обещаю. Разве я мог с тобой так поступить?! Ты чего?! — он усмехается в трубку, — Я поводов никогда не давал. Ты у меня одна.

— Ладно, Герман, — я сдаюсь, поводов и правда не было, — Я вспылила. Впервые со мной такое. Знаешь, как холодной водой окатили. Мне даже не вздохнуть было. Барин, если вдруг в твоей жизни кто-то появится, ты будь мужчиной и скажи прямо, понял?! Не смей мне врать!

— Не появится. Илона, ты моя жена. Мне этого достаточно.

После его слов я успокаиваюсь.

Вопрос, надолго ли?

Уточняю во сколько его ждать, чтобы он приехал на горячее. Он обещает сегодня быть рано, что, конечно же, непохоже на него. И это обещание снова создает внутри меня облако тревоги.

Он специально отводит от себя подозрения?

От своего активно работающего мозга я быстро устаю. Слишком много думаю.

И все же... Брату Германа набираю.

Дорогие читатели! ♥#

Мы рады приветствовать вас в нашей эмоционально-напряженной новинке!

Очень надеемся на вашу поддержку и будем безмерно благодарны звездочкам, это очень поможет продвижению книги! ♥#

Селин и Ася

Глава 3

— Кость, привет, — немного нервно звучу.

Костя — младший брат моего мужа. Если емко и коротко — оторви и выкинь. Мозговитый, свой бизнес, но не приемлет обязательств. В особенности, это касается женского пола.

Поэтому букет от него вполне обычное дело. Только обычно он ими извиняется.

— Илона, — улыбается он в трубку, слышно по голосу: — Случилось что?! — тут же добавляет, и я слышу голоса, видимо он не один.

— Извини, если отвлекаю, — тут же скороговоркой выдаю: — Я на минуту.

— Да не переживай, если дело срочное, я внимаю, — на том проводе становится тише, и я наконец, могу задать нужный вопрос.

— Мне букет сегодня доставили, Герман сказал, что...

— Вот оно че! — перебивает меня Костя: — А я и думаю, чего она не звонит, уже должна была получить... — он смеется, но с долей расстройства.

— Твой, да? — несмело спрашиваю я, а саму эти подозрения сводят с ума.

— Хотел Софию удивить, — посмеивается Константин.

— Просто странно, что помощница Германа...

— Да не, Илон, — уверенно заявляет брат моего мужа: — Мы цветы уже как пару тройку лет в одном месте заказываем, оба. И тебе на праздники, и матери, и моим, скажем, дамам... Я утром сегодня оформил по телефону, обычно онлайн делаю, а тут черт меня дернул позвонить. И вот тебе итог. — он рассказывает без доли сомнений, и невольно веришь в эту историю, особенно если знаешь Костю вживую: — Ну фамилию то сказал, а имя че то даже не подумал. Она и записала, Баринов... А у Гера там может был заказ тебе на другую дату, вот они и перетасовали, позвонили подтвердить и видно кто-то...

— Да, он сказал помощница там напутала, — отвечаю за Костю, а рука тем временем все равно продолжает сжимать трубку, будто остается что-то.

А точнее ускользает. Легкая дымка, некий флер лжи, который ты и чувствуешь, а распознать до конца не удастся.

— Ладно, Кость, извини за допрос, — озвучиваю с легкой улыбкой: — Удачи с Соней...

— Спасибо, — смеется он в ответ: — И вы там не паникуйте, — добавляет, отключая звонок.

Несмотря на то, что в квартире стоит полная тишина, я все равно будто издалека слышу свой разговор с Костей.

В момент, как на сенсорном дисплее духовки заканчивается таймер, я подпрыгиваю от звука на месте и решаю все же дождаться Германа, чтобы задать еще несколько вопросов.

Я никогда не была так подозрительна, да и подобная ситуация со мной впервые. Муж не имеет никаких паролей на телефоне или других гаджетах. Да и в целом, разве смогли бы мы столько лет прожить без доверия?

Достаю готовые стейки из духовки и аккуратно раскладываю на тарелки. Герману отдельно гарнир, а себе лишь немного салата.

Ставлю тарелки на стол как раз в тот момент, как слышу щелчок входной двери.

— Илона? — он сразу же зовёт.

— Дома, — кричу ему, за минуту завершая сервировку стола, идвигаюсь в сторону холла.

Герман уже раздет, и я вижу, как закатывает рукава рубашки.

— Привет, — улыбается он: — Я не знаю, как вообще это назвать... — обнимает меня за талию.

Такие проявления от моего мужа — это не редкость, нет. Но это очень дозированные эмоции. От того, сам факт, что он чуть ли не кружит меня, вносит в мое напускное спокойствие настоящий ураган.

— Странная да, ситуация, — улыбаюсь я, хотя мне кажется, что это выглядит нелепо.

Я должна сейчас убрать этот подозрительный взгляд и сделать вид, что верю. Но только вид, потому что, если откровенно, то душа будто наполовину уже решила. Надежда безусловно вносит свою лепту, да только вот реальность не дает забыть в иллюзиях.

Он ведь прав, впервые такое происходит...

Три года заказывают в одном месте для всех, и только сейчас случился сбой? Мы бы уже должны были получать букеты друг за друга, если бы оно было так.

Всматриваюсь в мужа и словно по-новому его вижу.

Немного холодные глаза голубого оттенка, что смотрят сейчас на меня с кисточками морщин в уголках. Щетина цвета соли с перцем, которая всегда выглядит трехдневной на упрямом подбородке. Поджарое тело в свои сорок пять, благодаря тренеру и упорному труду.

— Илона? — он щелкает пальцами у моего лица, а затем приподнимает мой подбородок: — Что с тобой? Выкинь все тревоги из головы... — озвучивает бескомпромиссно: — Я в двадцать лет выбрал женщину, этот выбор на сегодня не изменился.

Он касается губ в нежном поцелуе и идет в сторону спальни. Закусив губу, смотрю вслед, а мысль возникает в голове спонтанно.

— Гер, — зову его, на что он оборачивается, вопросительно вздёрнув брови: — Мне машину завтра на ТО надо отогнать, можно твою личную взять? Сначала до работы, а потом еще на маникюр доехать...

Он тут же, не задумываясь, кивает, потому что вызовет себе группу быстрого реагирования или попросит пригнать служебную машину.

— Спасибо, милый, — отвечаю я с теплотой: — Ужин уже на столе, если что...

Глава 4. Герман

— Брат, как часто я тебя о чем-либо прошу? — сжимаю трубку крепко, прикладывая телефон к уху. Внимательно посматриваю на часы, прокручивая разговор с женой.

Уволю эту дуру нахрен... Было дано четкое задание, как можно было так тупануть?

— В детстве тебе постоянно что-то нужно было, — без юмора он не обходится, как обычно, правда, мне сейчас вообще не до смеха.

— Я серьезно, нужна помощь.

— Эй, Гер, че случилось то? Кто-то палки в колеса вставляет? Так быстро разберемся...

Наконец, он понимает, что дело серьезное, поэтому тут же убирает свои шуточки подальше.

— Да, я сам себе в колеса вставил палки, шипы... Все, что мог, то вставил. Тебе Илонка звонить будет, скажи, что букет для Сони был у тебя. Помощница, мол, перепутала адреса.

На том конце тишина, по ощущениям она тянется очень долго, по факту от силы секунды три.

— У тебя че, другая баба?

— Я... — устало тру переносицу, усаживаясь в кресло. Ослабляю галстук, Илона говорит, что при моей должности я должен их носить, но если честно, то эта удавка раздражает, ненавижу их. Как и весь официоз, — Сложная ситуация.

— Так проясни ее. Почему я должен тебя прикрывать?

— Может, потому что я всегда тебя прикрываю перед твоими бабами.

— Это другое, Гер. Они просто развлечение, но ты женатый человек. И если честно, то Илона у тебя уникальная. Это совершенно другое.

— Не делай мозг, — рычу в трубку, понимая, что брат прав на все двести. Это полное дно, на которое я залег и выбраться не могу. Уже несколько месяцев плаваю там, брюхом садясь на мель. Клянусь себе, что это последний раз, но все повторяется, — Я брошу ее. Обещаю. На этой неделе поставлю точку.

— Ахренеть...

Сам в шоке.

Сам не понимаю, как это произошло. Почему я подсел на другую? Чего не хватало в жене? Илона у меня красавица, умная, яркая, харизматичная.

Просто в какой-то момент почувствовал, что хочу... чтобы на меня смотрели, как на Бога. Соня так смотрит. И я восполняю с ней все свои хотелки. Абсолютно, мать его, все.

— Так ты прикроешь? — я уже начинаю сильно раздражаться. Хотя прекрасно понимаю, что сам во всем виноват.

— Прикрою. Только пообещай, что закончишь это все. Ну и жду подробностей, конечно же. Кто такая?

— Дочь Павлова. Я ее подвозил до дома, а она... Ну ты разве не знаешь, как обычно это бывает? В рот мне смотрела, заигрывала. Молодая ведь, фигуристая девка, ты и сам видел. Я держался. А потом сорвался. Мы еще в тот день с Илоной повздорили. Короче кроет меня, брат, уже несколько месяцев. Подонком себя чувствую, а уйти и закончить не могу.

— Если Илона узнает, то она уйдет от тебя. Даже разбираться не будет.

Это правда. Моя женщина до мозга костей категоричная в отношении уважения и партнерства. И измену простить не сможет. Отсюда и тревога у меня такая, что аж грудину рвет на части.

— И Павлов если узнает, что ты его дочкой попользовался... Ох, бля, брат. Ну ты и заварил кашу.

— Я разберусь! Обещаю!

— Давай. По-тихому лавочку свою прикрывай и берись за голову.

Я сбрасываю звонок, откидывая телефон подальше. От Сони приходят сообщения, что скучает, ждет встречи, фотки свои шлет.

А я отвечаю и всегда удаляю. Никогда не храню в телефоне.

А Илона...она бы никогда и не полезла в телефон мой, не так воспитана. Страшно просрать такую женщину, просто потому что я поддался своим слабостям.

Я должен уберечь ее от ненужной информации. Соне ничего не обещал, поговорю с девочкой, объясню все. И... Забуду про эту интрижку.

Визуалы главных героев

Баринова Илона Дмитриевна, 44 года

Вместе с мужем прошла и огонь, и воду. Ранняя беременность в девятнадцать лет, отсутствие богатых родителей и как таковой помощи. Учеба, которую она не оставила, несмотря на наличие маленького ребенка. Стойкая женщина с характером.

Баринов Герман Михайлович, 45 лет

До того, как дорос до владельца крупного охранного предприятия, в молодости брался за любую подработку лишь бы прокормить молодую жену и сына. Сделал себя сам упорством и трудом, только в какой-то момент забыл кто он и кем является.

Глава 5

Гипнотизирую ключи от его машины, пока допиваю свой кофе. Сейчас стоит лишь спуститься в паркинг, нажать на кнопку, а дальше выехать и, по идее, ехать по делам.

Но как бы то ни было, маникюр действительно сегодня есть. Правда, я утром уже съездила. Если честно, для того, чтобы не было соблазна, то поехала на такси, Герман об этом не узнает, а его машина... Это больше терапия для себя самой. Скажем, я удостоверюсь и все.

Мой супруг любит машины в полной комплектации. Точнее, еще круче, если это электроника, какие-то новые технологии и прибабасы.

Я отчетливо помню как он мне рассказывал про дополнительно встроенный навигатор, который запоминает твои передвижения, а тебе просто нужно выбрать тот самый адрес. Он ведь и мне в машину подключил то же самое.

И сейчас этот замечательный гаджет пригодится...

За всю ночь мне не удалось сомкнуть глаз. Все вроде бы также... хорошо. И вот само это слово "хорошо" — оно буквально царапает мое сознание.

Хорошо ведь это никак?!

Лишь такая ассоциация возникает в моей голове. Вчера, когда мы ложились спать, он чмокнул меня в лоб и отвернулся, а я хотела бы немного ласки, лечь под его крыло, чтобы поделиться тем, что было за прошедший день. Однако, я видела его затылок цвета соли с перцем и слышала в его телефоне какие-то ролики.

Разве так будет после ситуации, которая произошла у нас? Разве не хотелось как-то замять или отвести мои мысли от того, что я пережила? Или он действительно думает, что все так легко и просто объяснилось?

Ставлю чашку на стол и глубоко вздыхаю. А затем хватаю ключи, и накинув легкую куртку, я выхожу из квартиры.

Внутри на удивление спокойно. В эту минуту. Вероятно, мое подсознание обманчиво считает, что я просто трачу время. Однако, если я этого не сделаю, то я сожру сама себя.

У меня нет проблем с доверием. Но только не тогда, когда за столько лет я впервые сталкиваюсь с проблемой «братьев и цветов». Это ведь даже отдаёт абсурдом...

Тут любая умная женщина не то, чтобы заподозрит неладное, а не усомнится в этом.

Лифт быстро сменяет этажи, опуская меня под землю. А когда я вижу внедорожник мужа, то, глубоко вдохнув, сажусь и тут же завожу машину. Несколько кругов по паркингу, потому что одни ворота у нас сломались, и вот я выезжаю на белый свет.

Уже позднее утро, поэтому во дворе достаточно мест для того, чтобы временно встать. Занимаю первое попавшееся и нажимаю на тачпад. Ищу нужную мне функцию, а когда нахожу, то мне выпадает список адресов. К тому же, вежливый голос робота предлагает мне сразу поехать к Герману на работу.

Чувствую себя натуральным сталкером, но считаю, что имею для этого веский аргумент. Барин знает, что я не буду молчать, как и знает, что сидеть в углу и плакать тоже не мой вариант. Я скорее даже буду готова что-то сломать, и об этом он также осведомлен.

Просматриваю адреса с названиями типа: зал, дом, салон жены, работа, стрижка... А когда замечаю незнакомый мне, то хмурюсь. Самое любопытное, что ведь еще и названо полным адресом, вплоть до номера квартиры.

Ну разве кто-то в трезвом уме будет называть так локацию? Какую цель он преследовал? Запомнить, чтобы не забыть?

Ищу историю и понимаю, что Герман там бывает частенько. Что это может быть?

На карте навигатора это просто обычный дом на улице Добролюбова.

Вбиваю адрес в свой телефон, чтобы посмотреть в реальном времени, что это за район, и покрутив улицу, понимаю, что там нет ни офисов, нет магазинов, кроме каких-то сетевых продуктовых...

Это совершенно стандартный жилой дом.

В груди холодеет, но я держу себя в руках и не поддаюсь своим эмоциям. Выруливаю со двора, выбирая этот адрес. Навигатор показывает, что отсюда до места назначения где-то два часа.

Хорошо, что сегодня выходной, иначе бы пришлось отменять клиентов, а я жуть как этого не люблю.

Размеренным дыханием пытаюсь не опуститься в натуральную панику и потому думаю обо всем. О том, какие препараты в кабинет нужно заказать, заплатить за аренду еще на пару месяцев вперед, чтобы не переживать лишний раз... Новую акцию может на межбровье и лоб запустить? Глаза уже были, губы тоже, да, определенно нужно привлекать новых клиентов.

Когда робот громко озвучивает, что до места мне осталось двести метров. Я разглядываю открытые дворы и въезжаю в один из них.

Просматриваю вновь адрес, пытаюсь понять, какой подъезд мне нужен, и собственно, останавливаюсь ровно напротив третьего.

Несколько секунд смотрю на глухие металлические двери, а затем решительно вылезая из автомобиля.

Я отчаянно хочу быть не правой. Однако, интуиция будто уже все поняла.

Нужно сейчас нажать на квартиру сто пятьдесят шесть, как указано в навигаторе. Однако, сначала, я решаю сделать одну вещь.

— Привет, Гер, — набираю своего мужа и нарочито бодро говорю: — Ты в офисе? Может машину тебе загнать? Я освободилась, — прикрываю глаза, желая, чтобы он сказал да.

— Солнце, я сейчас отъехал по делам в банк, давай или позже, или уже катайся, Илон, — закусываю губу, не желая расклеиваться прямо сразу.

— Хорошо, тогда до вечера... Люблю тебя.

— Ага, да... — и с этими невнятными словами он отключается.

Смотрю на экран телефона, а затем на домофон. Когда уже хочу нажать на кнопку, из подъезда выходит какая-то женщина с собачкой. Придерживаю им дверь и сама вхожу внутрь.

Пятый этаж, на который я поднимаюсь на лифте, посмотрев табличку подъезда. А когда через минуту уже стою около коричневой металлической двери с номером сто пятьдесят шесть, ощущение, что мое сердце не бьется.

Бывало ли такое в жизни, чтобы подсознательно ты все понимал, однако, до последнего пытался не верить?

Точнее, не так, надежда... Именно она до последнего не дает тебе погрязнуть в боли, пытается нести свет и ту самую мысль, что твой муж никогда не будет способен на предательство...

И вот я звоню в звонок.

— Здравствуйте... милый подожди минутку, — кричит вглубь квартиры улыбчивая девушка блондинка и затем смотрит на меня своими голубыми глазами: — Чем могу помочь?

— Вы наверно Соня?

— Что там, Со... — вижу того самого милого в лице моего Германа, который появляется в коридоре, и с ужасом в глазах роняет кружку.

Сквозь удушье и боль я улыбаюсь от того, что шестое чувство не подвело.

С его влажных волос стекают капли воды, а полотенце ярко-розового цвета обернуто вокруг его бедер.

До боли стискиваю челюсть, чтобы не показать того, насколько он втоптал меня в грязь, и не свожу со своего мужа прямого уничтожающего взгляда.

Глава 6. Герман

— Почаще ко мне так приезжай... Без предупреждения, — Соня с порога прыгает на меня, целуя в губы. Я даже не успеваю сориентироваться, тут же обхватываю ее за ягодицы, чтобы она не свалилась на пол, — Мне нравятся спонтанные мужчины.

— Сонь, — хриплю ей в губы, опуская девушку на пол голыми ступнями с ярко красным педикюром на аккуратных пальчиках, — Я приехал поговорить.

— Гер, — она улыбается, — Не люблю, когда ты такой серьезный. Этот разговор про моего отца, да?

Она щеголяет в сторону кухни, а я, скинув верхнюю одежду, следую за ней.

— Нет, дело не в нем, — я усаживаюсь за барную стойку, пока Соня готовит для меня кофе, — Дело в моей жене. Она начала догадываться... И я не могу подвергать риску все то, что строил годами.

Вижу, как ее рука дергается с наполненной туркой. Девичья изящная спина напрягается, а плечи опускаются вниз.

— Ты хочешь сказать, что?.. — она разворачивается ко мне лицом в полном недоумении. Смотрит большими голубыми глазами, хлопая длинными ресницами.

Не знаю почему, но ее невинный вид всегда разгоняет мою кровь по венам, тут же ударяя в пах. Мне нравится ее покорность, ее миленькое личико и иногда туповатые вопросы. Просто потому, что она не обременяет меня ничем лишним. Легкость. И все.

— Да, Сонь. Ты очень красивая девушка, очень хорошая. Но я правда не могу больше с тобой видаться.

— Гер, это какие-то глупости, — она пожимает плечиками, отмирая и, наконец, наливает мне в чашку ароматный кофе, — Ну я знала, что ты несвободен. Но... Я ведь не лезу в твою семью, соглашаюсь на наши тайные встречи. И даже на то, что мы никуда не можем выйти вместе, чтобы никто из знакомых не увидел. Думаешь это легко? Моя квартира, — она обводит руками пространство вокруг, — Это место, в котором твой запах, твоя зубная щетка, твои носки. Тут весь ты. Я вообще-то... Люблю тебя.

— Эй, — я приподнимаю указательным пальцем ее подбородок, — Мы с самого начала с тобой обсуждали, помнишь? Я говорил, что никогда не брошу семью. Даже если влюблюсь в тебя, то не брошу. И ты согласилась, Сонечка.

— А ты влюбился? — глаза полные надежды бегают по моему лицу в поисках ответов.

Я приобнимаю ее, притягивая к себе. Потому что ответа у меня нет... Откуда я знаю, что чувствую, если единственное для чего я приезжаю сюда — это секс.

Вряд ли вопрос про любовь... С Илоной все было слишком однозначно и почти сразу понятно. Увидел и пропал. Но и я был тогда молодой, тогда все по-другому ощущалось.

Сейчас же, голова работает намного оперативнее и мощнее, чем сердце. Да и со временем сердечная мышца будто атрофировалась, я стал менее эмоциональным, закрылся в себе. Знаю точно, что в долгу перед Илоной и нашей семьей, поэтому уйти не смогу.

И, если честно, не хочу никуда уходить. Дома все привычно, отлажено и отработано. Строить отношения заново — титанический труд, на который у меня нет времени и особого желания.

— Сонь, послушай... Мы оба знали, что рано или поздно нашим отношениям придёт конец. Понимаю, что это случилось слишком быстро, но на кону моя семья. Я не готов ее терять.

— Я понимаю, — ее нижняя губа начинает подрагивать, а у меня все тело каменеет. Я терпеть не могу женские слезы. Я не знаю, что с ними делать. Как себя вести. Они вводят меня

в ступор, — Ты просто идеальный, Гер. Знаешь сколько было ухажеров у меня, которые даже и в подметки тебе не годятся. Они все не то... А ты самый лучший.

— Сонь, ты все равно когда-то захочешь семью, детей. И тебе придется встретить другого мужчину для всего этого.

— Знаю, — она кивает понативно, всхлипывая, — Жаль, что это не ты.

Хорошо, что это не я... Нет сил и ресурсов на то, чтобы строить с кем-то новую семью. Слишком тяжело далась мне моя нынешняя. Мы с Илоной не были детьми из обеспеченных семей, прошли вместе огонь и медные трубы. Много было... И обиды, и ругань, и любви было много. Всего отхватили друг от друга.

Соня целует меня вновь, и я дарю ей эту прощальную ласку. Правда, дело поцелуями не заканчивается, когда ее нежные ручки уверенно забираются под брюки.

Я злюсь на себя и, вместе с тем, оправдываю. Обещал же сам себе, что просто приеду, поговорю и поставлю точку. Что больше не коснусь ее кожи, не буду ее целовать и ловить томные стоны.

Но, оправдывая себя, что это в последний раз, я стягиваю вниз по стройным ногам шортики вместе с трусами. Прохожусь ребром ладони по горячим и влажным, готовым для меня, складкам и вхожу в податливое тело.

Мы больше не увидимся. Это будет точка.

Глава 7

Чувствую как буквально в каждой вене пульсирует воздух, разжигая адскую боль, которую я всем своим существом ощущаю. На своего мужа я не смотрю, а лишь смотрю в глаза девушки, что растерянно хлопает ими.

— А вы...? — она оборачивается на Германа в поисках помощи, но тот словно статуя, с ужасом в глазах так и застыл.

— Илона... — слышу его голос и это срывает мои собственные тумблеры.

Перевожу глаза на него, разглядывая его в неглиже, и так тошно становится, что буквально мутит.

Расслабляю ворот куртки и посылаю в мужчину равнодушный взгляд.

— Ты похоронил себя за плинтусом, Баринов, — четко говорю каждую букву, а затем снова перевожу глаза на блондинку: — София, извещу на будущее... Мужчину вы привередливого выбрали, когда перейдете на следующий уровень под названием семейная жизнь, лучше бы, чтобы стол был накрыт к его приезду.

— Ило...

— Ты бы постыдился, ради приличия хотя бы прикрылся, Герман, — вульгарно перебиваю я его.

Пока девушка переводит огромные глаза олененка Бемби то на меня, то на него, я прожигаю ненавистью своего мужа.

Обмануть, чтобы что? Чтобы сохранить свою тайну, потянуть интригу? Для чего нагло лгать, еще и с братом на пару? Это насколько нужно не уважать собственную жену?

Усмехаюсь мыслям, не совсем понимая, как вообще еще стою на ногах.

Чувство, что я неживая оболочка, будто вся боль выжгла внутренности до чистого поля. Теперь там только запах гари и полная пустота.

— Ключи от твоей машины, можешь здесь и оставаться, — бросаю чуть ли не в него связку, которую он естественно не ловит: — Смекалки ради, Гер, попробуй не вбивать номер квартиры в строке названия геопозиции, тогда бы я может на твое удовольствие еще пару лет в идиотках проходила бы...

Горькая усмешка оседает на губах, а я разворачиваюсь и ухожу.

Про себя молю лишь бы не сбился шаг, и не уплыло сознание. Лишь бы дойти и скрыться в лифте. Лишь бы скорее уехать.

Жестокая и голая правда оказалась тем ударом, к которому даже подозревая, я не была готова.

Вызываю такси в приложении, пока двери лифта закрываются. И только после этого с силой бьюсь спиной о коробку лифта и зажмуриваю глаза.

Горячие крупные слезы стекают так часто, что я даже не успеваю смахивать. Да и, по правде, не стараюсь. Шумно дышу, стискивая челюсти и осознавая, что Герман, с которым мы прожили настоящую, сложную, но полную любви жизнь, все же сделал это.

Без зазрения совести он перечеркнул каждый день, каждую нашу победу. Поставил на кон нашу жизнь и семью, которую мы с таким трепетом оберегали, невзирая ни на что.

И ради чего? Кого?

Ей на вид может двадцать пять. Бесспорно горяча, молода и красива, в отличие от уставшей жены. Жена ведь, она, так... Старый халат на вешалке, а хочется, видимо, новый розовенький пеньюар.

И ведь без доли сожаления и раскаяния, глядя в глаза лгал. Сеял свой обман в попытке сделать из меня абсолютную дуру, и зарывая себя еще глубже в эту грязь и подлость.

От этой мерзости, в прямом смысле, тошнит, а тело знобит от этих ощущений. Сейчас все его прикосновения, как вчера по приходу домой обнимал, целовал, вызывают стойкое желание помыться. Стереть кожу в кровь лишь бы не чувствовать этого.

Лифт останавливается, и я пулей вылетаю из закрытого пространства, не обращая внимания на собственные слезы. Широко раскрываю дверь, вдыхая свежий воздух улицы в попытке унять тахикардию и пульс.

Мне необходимо хотя бы две минуты слабости, чтобы взять себя в руки, собраться. Потому что если я не избавлюсь от этих переполняющих эмоций, догадываюсь, что они сами меня уничтожат.

Телефон в сумке вибрирует, я слышу, но не спешу, размеренно вдыхая кислород. А когда достаю, думаю, что это водитель такси, правда, это оказывается сын.

И теперь я смотрю на экран, не представляя, как расскажу взрослому, уважающему этого человека парню, что его пример для подражания в миг превратился в натурального обычного кобеля.

Ян, хоть и не живет с нами, но принципы этого характерного мальчика с того возраста, как он под стол ходить начал, непоколебимы. А сейчас его картина мира претерпит изменения, и если честно, я даже не скажу, что буду против правого хука, который приземлится на лицо Германа от нашего сына. Более того, я и не против, в придачу, левого.

Пока я раздумываю отвечать или нет, замечаю как во двор наконец въезжает мое такси. Только аккуратно в этот момент двери подъезда с громким ударом распахиваются и оглянувшись назад, я вижу растрепанного мужа.

Тут же шагаю к машине, преграждая ей дорогу, и еще до полной остановки автомобиля запрыгиваю внутрь.

— Едем, едем! Скорее! — прошу водителя, а он не понимая ситуацию, спустя короткую заминку все же жмет на газ.

Герман пытается остановить автомобиль. Бьет ладонями по стеклу, а я жму на кнопку блокировки дверей.

— Илона! Постой! Давай поговорим! — дергает ручку, ускоряясь вместе с машиной.

— Быстрее, пожалуйста, — снова обращаюсь к водителю, не спуская взгляда с того, кто отравил мою душу, но теперь уже нет места разговорам, Баринов.

Визуал Софии Павловой, 24 года

Глава 8. Герман

— Нам настал пиздец, — кричу в трубку, не сдерживая своих эмоций.

— Нам? — брат усмехается, слыша, как я почти что схожу с ума, — Или тебе?

— Я сейчас тебя ударю!

— Чисто теоретически, ты, конечно, можешь. Но физически ты далеко сейчас, чтобы конкретно в этот момент совершить физический акт в мою сторону, — если этот умник сейчас же не заткнется, то я слечу с катушек.

— Заткнись, — жестко прерываю его, — Ты поговорил с Илоной?

Мне плевать, что прохладный ветер забирается мне под футболку. Сейчас абсолютно на все плевать, голова активно работает, прокручивая с удвоенной силой шестеренки. Я должен найти гребанное оправдание, чтобы Илона меня простила. Я не могу просрать семью из-за левого траха.

— Как ты и просил.

— Тогда какого черта она приехала к Соне? Блядь, — я сажусь на бордюр, прикрывая глаза, — Она увидела меня полуголым в ее квартире. Я даже слова не мог сказать, стоял, как обосранный... Она кинула в меня ключи от машины и ушла.

— Брат, — голос Костяна становится серьезным, — Я предупреждал. Ты и правда обосрался. Гулять, когда ты холостой — это одно. Ты не чувствуешь тревоги, не боишься быть пойманным. Другое дело, когда у тебя семья.

— Нотации будешь мне читать? — зло выплевываю ему в трубку, — Может лучше поможешь, нет?

— И как я могу тебе помочь? Поезжай домой, вымаливай прощение у нее на коленях, ноги там целуй... Я в душе не, — он осекается, чувствуя как мне хреново, — Я не знаю, братец. Я никогда не был женат, поэтому понятия не имею, что сказать.

Я начинаю слишком активно думать, еще сильнее, чем минуту назад. Голова гудит, работая на износ.

— Ты можешь сейчас поехать к ней и сказать, что это была твоя баба?

— Ты бухой что ли? И? Дальше что? А почему тогда у моей бабы голый оказался ты, а не я?

— Не знаю, блядь! — кричу на всю улицу, — Придумай что-то. Скажи, что у нее провало трубу, ты попросил меня срочно помочь, так как сам не в городе. Ну давай, Костян, придумай. Ты же у нас спец по отмазкам. Я только сегодня Соне сказал, что между нами все. Просто она полезла ко мне, не сдержался... Мы даже толком не успели, Илона застучала нас.

— Я просто понять не могу, как она вообще тебя вычислила? Ты начальник охранного агентства, Гер. Ты знаешь, как замечать следы и прятаться похлеще ФСБ. Ты прошел школу жизни, армейку, контракт. И спалился на такой... ерунде?

— Я просто расслабился. Сохранил адрес Сони в навигаторе и ничего умнее не придумал, как назвать этот адрес номером ее квартиры. Ну потому что я забывал его.

— Мда.

— Так что? Поможешь?

— Я то помогу, брат. Проблема в том, что ты женился на умной женщине, которая не поверит в этот бред. Ты еще больше ее разозлишь.

— Просто потяни время. Я решу. Скоро буду.

— Ок. Я тогда поехал к ней.

Я благодарю брата за помощь, сам испытывая жуткую тревожность. Я никогда не думал о том, что могу потерять семью. Для меня это табушная тема. Я люблю Илону сильно, просто захотелось острых ощущений. Чего-то нового.

Я всю жизнь искал адреналин, я всю жизнь жил как на пороховой бочке. А сейчас все слишком спокойно и размеренно.

Я ненавижу себя за эту слабость, но я не могу позволить, чтобы Илона ушла. Она больше, чем жена. Она мой самый лучший друг, верный товарищ, мать моего сына.

Бля...

Если Ян узнает, то наши отношения надломятся. Мать для него — это все. Он обожает ее.

Сын, словно чувствуя, что я думаю о нем, тут же звонит.

Даю себе время выдохнуть, прежде чем взять трубку.

— Бать, вы как сквозь землю провалились. Маме звоню, она не берет. Тебе звоню, ты тоже не сразу отвечаешь. У вас все ок?

— Конечно, просто мама видимо занята, а я не услышал. Что-то случилось?

— Не. Думал в гости к вам заглянуть. Вечерком норм?

Сегодня совсем не норм. Если он приедет, то попадет в эпицентр всего этого пиздеца. А мне это сейчас не на руку.

— Сынок, я маме твоей сюрприз хотел сделать и увезти ее за город на романтик. Давай через пару дней. Хорошо?

— Ого, — сын усмехается, — Ну ладно, без проблем. Странно, конечно.

— Что странного? Разве я не могу твой маме сюрприз сделать?

— Ты? — он выдерживает паузу, — Не знаю, бать. Ты же не романтик. Хотя мама заслуживает весь мир у ее ног. Ладно, родители, я не вмешиваюсь в вашу личную жизнь. Буду у вас тогда через пару деньков. Маме привет.

Он кладет трубку, а его слова все еще звучат у меня в голове. Даже сын родной не верит, что я могу для его матери сделать что-то приятное... До чего я, черт возьми, докатился...

— Любимый, ты замерзнешь, — Соня выходят из подъезда и выносят мне куртку.

— Сонь, это была моя жена, как ты поняла. Нужна точка. Хорошо? Я не могу ее потерять. Она садится рядом со мной на бордюр. Кладет голову на плечо.

— Хорошо, Гер. Но я тебя очень люблю и буду скучать. Если вдруг что... Ты приезжай. Хлопаю девушку по коленке, забираю свою куртку и плетусь в сторону припаркованной тачки.

Я не приеду и не позвоню. Я слово себе даю, что это был последний раз.

Глава 9

Кручу в руках ножницы и мусорные мешки, а сама смотрю на вываленную на пол кучу одежды.

Злость, к моему несчастью, лишь набирает обороты. И я знаю, что потом на смену ей придет полное опустошение и боль. Но сейчас, эта пелена ярости затмевает и притупляет мои чувства.

Подхожу к тумбе в гардеробной, и раскрыв пакет, одним махом сгребаю все. Без разбора летят его одеколоны, средства после бритья, дезодорант, еще какие-то тюбики. Бросаю пакет прямо посередине и хватаю ножницы, а дальше совершаю, может и глупый, но акт мести этому подлому лжецу.

С особым чувством, не ощущая слез на своих щеках, режу все, что попадает под руку: галстуки, боксеры, рубашки, брюки, джинсы... А когда, наконец, раненая душа более менее успокаивается, то я оседаю на пол в разгромленной гардеробной и позволяю себе покричать в кусок ткани.

Громко и истошно.

Буквально на несколько секунд, чтобы избавить грудь от этой боли. Соседи верно подумают, что Баринова сошла с ума. Да только плевать я хотела на чужое мнение.

Когда я замолкаю, и эта глухая тишина давит тем, что мою жизнь разрушили, слышу как звонит домофон. Тело словно не слушается, даже не двигается.

Титаническими усилиями я поднимаюсь с пола, смотрю на себя в зеркало, поправляя явно потрепанный внешний вид, и медленнодвигаюсь в коридор.

Когда останавливаюсь у экрана, что демонстрирует мне вход в подъезд, то горькая усмешка сама собой расплывается на губах.

Прибыл брат, покрывающий подлеца.

Снова будет говорить об ошибке? Разве это вообще нормально вытворять такое? !

Молча нажимаю на кнопку открытия двери, и Костя бросает взгляд прямо в экран.

Встаю у входной двери, заранее открыв ее. Скрестив руки на груди, я уже, в целом, не хочу никого убивать.

Та волна прошла, и моя терапия, пусть совсем немного, но помогла. Однако, сейчас идет только стадия принятия, а она, как правило, может сопровождаться разными всплесками эмоций. А учесть собственный характер, то я прекрасно это представляю.

— Илон, — Баринов как только видит меня сразу же поджимает губы: — Это какая-то ошибка, реально...

— Ошибка, Кость, мой брак!

Он округляет глаза и сглатывает.

— Ну не руби, — проходит он в квартиру.

— Кофе будешь? — озвучиваю, отворачиваясь и не жду пока он разденется.

— Илон, Сонька то она вообще типа запретная для меня, — начинает он нести ересь, а у меня брови на лоб натурально лезут: — Дочь там одного товарища важного...

Резко оборачиваюсь на брата подельника и останавливаюсь, на что он тоже резко стопорится в коридоре.

— Я похожа на идиотку? — задаю вопрос тихим, безэмоциональным тоном: — Я понимаю, он твой старший брат. И он тебе очень помог в свое время, но не надо этой грязи. Прошу тебя. Это лишь показывает неуважение ко мне и к двадцати пяти годам нашей жизни.

Он прикрывает глаза и шумно выдыхает.

— Кофе буду, — понуро озвучивает спустя паузу: — Этот ублюдок любит тебя... — добавляет с сожалением.

— Нет, Кость, — поджимаю губы в горькой улыбке: — Любящий и чувствующий любовь не смог бы так нагло и низко поступить. И не нужно про полигамию, это лишь удобная отговорка, которую даже за оправдание не принять.

— Илон, я не был женат, не представляю, каково это... Но, черт, я не видел Германа без тебя никогда. Вы же как инь и янь, мать вашу, — я сновадвигаюсь на кухню, потому что чувствую, что собственная чаша наполняется: — Вы ведь столько всего осилили, ну серьезно! Может к психологу или к кому там, модно вроде сейчас...

Запускаю кофемашину и снова оборачиваясь на брата своего мужа.

— Невозможно вернуть доверие, которое было разрушено. Я не позволю еще больше унижать себя. Ты вдумайся, выражаясь прямо, вы буквально окунули меня в дерьмо...

— Извини, Илона. Это... — он перебивает, и как раз звучит сигнал готового кофе.

Ставлю кружку на стол.

— Я ему вещи уже подготовила, будет проще и быстрее. На разводе ему даже не обязательно появляться. Не думаю, что он захочет посещать еще одно судебное разбирательство, — смотрю на Барина, а он едва уловимо качает головой.

Оставляю брата Германа на кухне пить кофе, а сама двигаюсь в спальню, уж соберу «любимого» в последний путь. В гардеробной фасую испорченное белье и одежду в те же мусорные пакеты и тащу по полу в сторону кухни.

Когда появляюсь в проеме, Костя не успевает убрать телефон, и я понимаю, что скорее всего Герман скоро будет здесь.

— Заодно заберёте, — озвучиваю я с натянутой улыбкой, прекрасно осознавая, что младший все стенографирует старшему.

Костя чешет бровь и несмело кивает. А тем временем, я слышу как проворачивается в дверном замке ключ. Иду в сторону коридора и повыше вскидываю подбородок, намереваясь раз и навсегда избавиться от гнили в этом доме.

Глава 10. Герман

Я набираю в легкие поглубже воздуха, чтобы дать себе секундную отсрочку. Сканирую взглядом дверь в нашу квартиру, зная наверняка, что меня там ждет. И все же, я должен выйти из этой ситуации с наименьшими потерями, а именно, все должно остаться так, как есть сейчас.

Первым, кого вижу, это брат. Он посылает в мою сторону взгляд, и я за секунду понимаю, что дело дрянь.

Конечно, она не поверила ни единому слову. Был один процент надежды, но в душе я уже понимал, что потерплю крах.

Я помню, как мой старинный друг говорил о том, что жена должна быть красивой, хозяйственной и чуть глупенькой, но ни в коем случае умной и самодостаточной. Иначе не получится ее контролировать.

Я никогда не хотел контролировать Илону, мне как раз нравилось, что наш формат брака предполагает взаимное понимание и уважение. С последним только я подкачал по всем фронтам.

Ладно. Сейчас буду разгребать.

Ну не может же обычный трах на стороне разрушить все то, что мы строили годами таким непосильным трудом.

Кто там говорит, что брак это просто? Явно те, кто там ни разу не был. Брак — это самая тяжелая работа, какая только может быть. Причем еще и пашешь ты двадцать четыре часа на семь. В какой-то момент вашей любви становится недостаточно, и не потому что ее становится меньше, а потому что в любом случае у каждого из вас есть определенные потребности, которые нужно закрывать. Не факт, что твой партнер готов их закрыть. И вопрос даже не про секс.

Секс — это база, но не основа.

— Кость, — прикрываю за собой дверь, смотря прямо на брата, — Оставишь нас?

— Нет, Костя. Не нужно нас оставлять, тут предельно все ясно, — Илона даже не дает ответить, — Значит, смотри, — рукой мне указывает на собранные вещи, — Здесь большая часть, остальное заберешь на неделе. Давай только, когда меня дома не будет. И еще у меня просьба, — она опирается о стену, скрещивая свои длинные ноги с бордовым педикюром на аккуратных пальчиках, — Я прошу тебя объясниться перед сыном. Так правильно будет, если он узнает от тебя.

— Узнает что, Илон?

— О нашем разводе, конечно же.

Я снова смотрю на брата. Давай-давай, выходи. Разговор будет, хочет она этого или нет.

Костя понятиливо кивает и скрывается за дверью, плотно захлопывая за собой.

— Ты можешь идти туда же, — она улыбается, вымученно, мне кажется, что она готова расплакаться. И очень надеюсь, что она этого не сделает, потому что я чертовски боюсь ее слез. Они меня душат, выкручивают руки и заставляют все тело ныть.

— И все же я предпочту разговор, Илош.

Устало сбрасываю с себя кожаную куртку, вешаю ее на крючок и иду на кухню. Она недоуменно провожает меня взглядом.

Завариваю себе супер крепкий кофе, предлагая ей чашечку. Молчит, полностью игнорируя. Ожидаемо.

— Илош, я предлагаю все забыть, как страшный сон. И не рубить с плеча. Мне жаль, что мне не хватило смелости, как я тебе и обещал, признаться в том, что изменил. Но по правде говоря, эта девушка абсолютно ничего для меня не значит. И нет, — я поднимаю руку вверх, останавливая ее, потому что она готова меня перебить, — Это не пустые слова. Это правда. Я не чувствую к ней ничего.

— Мне вот знаешь, Баринов, как-то плевать, что ты там чувствуешь... Факт в том, что твой член был в ней. И я боюсь представить даже сколько раз. Во-первых, мне придется идти в клинику и сдавать анализы. Молись Богу, чтобы ты не принес мне никакую заразу. Потому что я тебя засужу, понял? Докажу, что это намеренное причинение вреда здоровью.

— Илона, — моя ладонь опускается на стол с глухим ударом, — Приди в себя. Я чист. И я, блядь, пытаюсь все исправить. Потому что мне не плевать на тебя и на наш брак. Да, я виноват. Я уже не стану отрицать то, что изменил. Но так живут все. Слышишь? Все! Я не из тех, кто трахался, потому что разлюбил, я просто захотел чего-то нового. Мы с тобой вместе больше половины жизни. Я баб других не помню уже. Это был обычный спортивный интерес.

— Фу, — она выплевывает это слово со всем пренебрежением, — Мерзость.

Киваю головой как болванчик. Все ее эмоции мне понятны. Женская обида и боль — страшные вещи. Но у всех проблем есть выход.

— Баринов, вот знаешь, вы мужики носитесь со своей писькой, как с чем-то сакральным и святым. Ты думаешь мне за столько лет брака не хотелось чего-то другого? Думаешь, мне другие мужчины не делали комплименты, не проявляли внимание? Их были сотни, Герман. И поверь, девяносто процентов хотели меня трахнуть. Знаешь в чем разница, м? Мужик спит с той, кто даст! А женщина выбирает. И я в свое время выбрала тебя, как свою опору, как человека, на которого можно положиться и можно доверять. Я родила тебе сына в девятнадцать, и да, я считаю это, черт возьми, достижением, чтобы там не говорили. Роды — это больно и страшно, Герман. Вынашивать ребенка не легкий процесс, я потеряла волосы, у меня крошились зубы, а отеки мешали передвигаться. И сейчас ты мне будешь говорить что-то о том, что тебе бедному не нагулялось?

— Мы сейчас будем с тобой спорить, Илон. И ни к чему не придем. Давай остынем оба и поговорим. Мы не можем просто взять и порвать.

У самого внутри все стягивается в узел. В голове все цепляется за ее единственную фразу... Что она может тоже хотела других.

Эта новость заставляет меня сходить с ума. Я не хотел других, я просто сорвался. Единожды.

Выходит, она думала о других мужчинах, пока была со мной?

Глава 11

Смотрю на него после своей тирады, и в уме крутится ещё многое, что могу добавить. Только вот с каждой минутой я чувствую, как осознание и вся моя напускная бравада стираются, словно мел под дождём.

Я надеялась, что смогу спокойно встретить его. Точнее, что мне удастся воздержаться от эмоций. Однако, в эту секунду, несмотря на холодную решимость, внутри — вихрь. Он затягивается в воронку, сметая на своём пути все мои установки, которые я готовила.

Более того, даже я сама не в силах его усмирить, потому что это абсолютно неконтролируемый процесс. Ты просто-напросто наполнен этими эмоциями — и, пока не освободишься, не сможешь дышать.

— Илона... — он подходит ближе с новой попыткой.

Однако, я выставляю руку вперёд и незаметно втягиваю воздух носом.

— Ты ведь знаешь, я могу и ударить, — коротко озвучиваю, глядя на него как на последнее ничтожество. — Для полной картины, чтобы ты ощутил разницу, про которую я тебе говорила, представь на секунду, что это я стояла бы напротив тебя — униженного, в чёртовом розовом полотенце после секса с парнем возраста Яна. Поджарого, молодого, маскулинного... Желательно ещё в татуировках — чтобы там горело лишь от одного взгляда...

Герман матерится и сжимает челюсти, а затем я слышу, как несколько раз опускаются глухие удары его кулака по шкафчику кухни.

— Так я и думала, — завершаю я свою речь и незаметно поправляю макияж, потому что чувствую, как набирается влага в глазах. — Это конец твоей игры, Баринов.

— Так ты хочешь сказать, что ты бы хотела мне изменить, но я тебе мешал?! — всё же подходит он ближе, чеканя этот вопрос.

Дышит, словно дракон, раздувая ноздри. Кулаки сжаты до побеления, а грудь буквально дёргается.

В другой раз мы бы повздорили и потом помирились, а теперь я даже не могу представить, что лягу в одну постель с этим человеком.

Он в прямом смысле уничтожил этим днём все чувства и эмоции, которые вызывал у меня на протяжении двадцати пяти лет.

— Не надо переводить с больной головы на здоровую, Герман. В отличие от тебя, я от своего выбора не отказалась и никогда не лгала тебе... — прищуриваюсь и усмехаюсь, а в глазах, чёрт возьми, всё равно наливается влага. — А теперь вспомним, что говорил ты?

Качаю головой, и на его лице появляется гримаса боли. Только поздно.

— Ты моя жена, Илона, — ненавижу сейчас себя за то, что слеза оставляет горячую дорожку на лице. — Я в двадцать лет сделал свой выбор — и он не изменился... Разве я могу так поступить с тобой?.. — последнее вылетает уже шёпотом.

И я, которая даже ссорясь, никогда не теряла уважения к нему, не переставала считать его сильным мужчиной, с которым я в безопасности... Всегда ставила на чашу весов в момент обиды все его заслуги, старания и плюсы.

— Илона, мы постараемся и все получится, — он порывисто хватает меня за плечи.

Резко смахиваю его руки с себя, двигаясь дальше на шаг.

— А со сломанным сердцем что будешь делать? — спрашиваю с иронией. — Как исцелять? Потому что после того, что ты сделал, оно больше не сможет никому доверять. Оно будет постоянно защищать себя... Раз тот, кому оно было безвозмездно отдано, так легко и грязно отказался от него.

— Я не отказался! — рычит он, повышая голос. — Я не переставал, мать твою, любить тебя! Пойми ты это!

— Тогда ответь — сколько раз ты мне изменил? Один?

Он поднимает глаза к потолку, а я понимаю, что просто трачу время, нервы — и кромсаю своё сердце в ещё большие ошмётки, чем было до этого.

— Я... — он даже пытается ответить.

Комик восьмидесятого уровня, ей-богу. А считала умным, мужественным мужчиной. Но теперь передо мной — трусливый лжец, что думает гениталиями.

— Ответь, Герман.

Скрещиваю руки на груди.

Слёз уже нет — то была секундная слабость. Уверена, что я ещё почувствую всю "преlestь" этой боли. Но, по крайней мере, сейчас продолжаю держаться на волнах гнева и омерзения.

— Зачем тебе это?! Какое это имеет значение?! — снова идёт в наступление, как бык.

И плевать ему, что здесь уже не его коррида.

— Самое прямое, — озвучиваю настойчиво. — Ты хотя бы осознаёшь, — я правда не верю в то, что он не понимает, — что я дышу сейчас рядом с тобой, удерживая тошноту от низости и мерзости твоего поступка? Что я говорю сейчас с тобой лишь потому, что не успела выкинуть твои вещи на лестничную клетку из-за приезда твоего брата? Герман, ты разве не знаешь меня?!

— В том-то и дело — знаю, — снова шагает ко мне. Да что ж такое... — И ты ведь любишь! Ты не сможешь так просто отказаться от нашего брака, Илона. От нашей жизни, от истории, которую...

— Которую ты, чёрт возьми, стёр! — кричу, срываясь и перебивая его. — Ты оставил её в воспоминаниях! Понимаешь?! Её больше нет! Нет! Забуди! — тычу в него пальцем, прожигая яростным взглядом. — И теперь убирайся отсюда! Исчезни!

Последнее я буквально цежу сквозь зубы. Вижу, как Герман качает головой, и снова и снова портит мне кухонный шкаф. Будто это заставит меня думать, что он раскаивается.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь привести себя в норму, но меня буквально трясёт. Руки дрожат от количества адреналина, в горле пересохло, а пульс будто бьётся где-то в горле.

— Хорошо, — немного по-звериному вибрирует голос Германа, чеканя слова. — Сегодня будет по-твоему. Но это не конец, Илона. — игнорирую бред сумасшедшего, а он продолжает: — Я так просто этого не оставлю. Запомни эту мысль.

Вижу, как он резко хватает свои мешки, ещё не зная о моём сюрпризе. И, глянув напоследок в мою сторону — от чего я лишь выше вздёргиваю подбородок — он, в итоге, выходит из кухни.

Подхожу к столешнице, наливаю себе стакан воды. Про себя молюсь, чтобы он больше не появлялся перед моими глазами. Мне нужно немного воздуха, чтобы теперь и правда пережить это не только на словах.

Однако, интуиция и то, что я знаю об этом человеке, определённо намекают на обратное.

Глава 12

— Я хочу полтора миллилитра в верхнюю губу, — пациентка на кушетке настаивает на своём.

Хочется зажмуриться от этого зрелища. Я не могу ей отказать, но очень хочу это сделать. Прошлый гель у неё и так мигрировал, создав гиалуроновые усы. Теперь она хочет, чтобы у неё губы ещё больше раздулись.

— Мне посоветовали вашу студию.

Она хорошо одета, у неё длинные волосы, красивые глаза и отличная фигура. И, видимо, совершенно низкая самооценка, раз она пытается ещё больше изуродовать то, что дала ей природа...

Я на эмоциях хочу выкрикнуть, спросить: для чего она это делает? Или для кого?! Но такого позволить себе точно не могу.

Совершенно уставшая и измотанная, я снимаю нейлоновые перчатки и кидаю их в урну.

— Элина, я бы для начала провела процедуру удаления старого геля. Потому что он сейчас несимметрично расформирован внутри губ. И можно будет вколоть по 0,5 в верхнюю и нижнюю, а потом, через время, я смогу ещё добавить.

— Вы не понимаете, — она смотрит на меня пристально. — Мне нравятся мои губы. Вот такие большие. Вы профессионал или кто?

Чёрт возьми, да!

Я как раз профессионал, именно поэтому не хочу лепить такое уродство на её лице. Я принципиально не беру таких клиентов. И не потому что моралистка — у меня у самой слегка подколоты губы, но только потому, что с возрастом они потеряли объём и контур.

— Элина, мне жаль, но я не смогу вам помочь. При всём уважении, я не могу подвергать ни себя, ни вас таким рискам. Поймите меня правильно.

Она дует свои потрескавшиеся губы, зло шурит взгляд. Почему-то я тут же вспоминаю его Соню, у которой такие же большие губы. Ну, может, чуть меньше...

Для кого они это делают? Почему это нравится? Почему это понравилось моему мужу?

Он ведь совсем не глупый человек, сделавший себя сам. Для него всегда был важен интеллект и умение поддержать разговор, и не важно, мужчина ты или женщина. Неужели так кризис среднего возраста меняет приоритеты и ориентиры?

Я не должна осуждать, это неэтично. Но сейчас я готова засунуть свою этику в жопу, потому что мне мерзко.

— Я напишу отзыв на вас, — она вскакивает с кушетки, поправляя жакет розового цвета, — и сториз запишу. У вас не останется ни одного клиента, ясно?

— Ясно.

Я устало киваю ей. Она ещё что-то в грубой форме мне предъявляет, но я словно отключаюсь, находясь в прострации.

Телефон уже в третий или даже в четвёртый раз даёт о себе знать. Герман обрывает провода в попытке поговорить со мной.

Что ты ещё мне не сказал, чтобы ещё больше оскорбить меня? Для чего мне слушать твой бред?

Как же хочется быть мудрой женщиной, которая найдёт в себе силы и сделает всё правильно. А как оно правильно? Почему в школе нас учат всему, кроме житейской мудрости?

Почему вся литература по семейной психологии противоречит друг другу?! Одни говорят, как важно сохранить брак и найти компромисс. Другие во всё горло кричат: шли его нахер и живи для себя!

А что делать, если любишь сильно, несмотря на боль, но и простить не можешь?

— Илона, — администратор аккуратно стучит в дверь моего косметического кабинета, — к тебе пришли.

Она сочувствующе смотрит на меня, от чего я вмиг зверею. Уж жалеть меня точно не стоит!

— И ещё я напишу во все нужные инстанции, чтобы вашу студию закрыли к чертям собачьим!

Эта дура продолжает верещать, администратор удивлённо вскидывает брови, глядя на меня.

— Кать, возьми под свой контроль, пожалуйста. Я скоро вернусь.

Вылетаю из своего кабинета, желая разрушить всё, что вижу сейчас перед собой. Не нужно было выходить на работу в таком состоянии, потому что я совершенно не владею своими эмоциями и чувствами сейчас.

— Давай поговорим.

Герман ждёт меня на диванчике. Катя услужливо налила ему кофе и предложила печенье. Всё, что я сейчас хочу — это плеснуть этот горячий напиток прямо ему в лицо. Чтобы ему было так же больно, как мне. Хотя бы физически.

— Уходи.

— Нет, Илона. Я никуда не уйду, пока мы не поговорим. Мне пришло уведомление о расторжении брака. Ты совсем спятила?

— К чёрту иди! — выкрикиваю, после чего тут же осекаюсь. Устраивать скандал на рабочем месте неправильно. Даже если я на пределе.

Хватаю Катины сигареты со стойки администратора и выхожу на улицу. Прикуриваю, затягиваясь никотином.

Я же не курю... Зачем сейчас травлю свой организм? Чтобы усмирить боль? Ни черта не помогает.

Никотин лишь обжигает лёгкие на секунду, после чего исчезает, оставляя только неприятный вкус во рту и мерзкий запах.

Из моих рук сигарета улетает напрямиком в урну.

— Ты охренел?

— Это ты охренела курить, — рычит на меня, вставая напротив. — Я не хочу, блядь, никакого развода. Это бред. Мы любим друг друга! Я знаю, что ты сильно обижена, но ты просто скажи, что мне сделать, и я исправлю.

— Исчезнуть можешь? Так, чтобы я больше никогда тебя не видела! Навсегда.

— Не могу.

— Тогда иди к чёрту!

— Илона, мать твою! — он хватается меня за плечи, встряхивая как тряпичную куклу. Я не выдерживаю, и из глаз брызгают слёзы. — Твоя истерика ничем не поможет. Приди в себя! Ты рушишь всё, что мы строили годами. Так нельзя!

— А трахать другую значит можно, да?!

Глава 13

— Ты же здравомыслящая женщина! — глаза Германа наливаются кровью, а руки все так и держат мои плечи.

— Хватит меня трогать! — рычу прямо ему в лицо и толкаю в грудь: — И перестань преследовать, иначе я подам ещё и иск!

Пелена ярости в буквальном смысле слова затмевает разум, и я в самом деле на грани того, чтобы подраться с ним. Прошлая ночь далась тяжело, и я не сомкнула глаз, однако, и слёз так и не появилось. А я, признаться, ждала.

Но будто крики на кухне, когда я высказала в лицо всё, что думаю, смели эту эмоцию. Оставили лишь ненависть.

А уж сидеть и думать о том, когда там, что сломалось, почему он вообще решился на подобное, я даже не собираюсь. Сейчас ему лишь одна дорога, и она в далекое, одиночное путешествие к тем вареникам, с которыми я его застала.

Потому, глядя в его лицо в эту минуту, когда-то я считала его самым привлекательным на свете, мне от всей души хочется расцарапать его.

Достаточно подливает масла тот факт, что он хладнокровно стоит, еще и смеет меня касаться после той шлюхи. Указывает мне, считая, что имеет право вести себя, как со своими подчинёнными, буквально вызывает во мне нечеловеческие реакции.

— Илона, перестань вести себя как умалишенная, тебе надо прийти в себя...

На этих словах истеричный смех срывается с губ, и я замахиваюсь ладонью в воздух, чтобы с сильным звучным шлепком оставить пощёчину на его щеке.

— Илош, — предостерегающе цедит он, ловя мою руку в воздухе.

Держит некрепко, но достаточно для того, чтобы моя злость дошла до апогея.

— Это я еще и сумасшедшая, — цежу сквозь плотно сжатые зубы: — Ты изменяешь мне с малолетками, а я значит, должна что?! Сказать, ладно, милый, я понимаю...? Так ты это видишь, Баринов?! — во всей моей речи сквозит ехидство, но я искренне не понимаю, чего этот человек от меня хочет.

Слышу, как вибрирует его телефон, и тут же прищуриваю взгляд.

— Возьми трубку, — фальшиво улыбаюсь я: — Может быть это как раз та, о ком мы говорим...

Герман прикрывает на секунду глаза, выдувая воздух из легких. Так словно он устал. Несчастный. Но мои реплики в ответ лишь игнорирует, доставая второй рукой свой айфон.

Вижу, что это не она. И нет, это все равно не отпускает. Потому что глядя на него, я невольно думаю, а сколько раз они уже говорили, спали вместе, виделись ли сегодня... Это то, что делает мозг абсолютно самостоятельно и хочется ненавидеть и себя за это.

Но, заметив экран, абонентом оказывается наш сын, а это даже лучше.

— Ян, — озвучивает он в трубку: — Да...

Я абсолютно не слышу, что говорит сын. Баринов умышленно сделал меньше динамик, и в процессе разговора еще и дёргает меня в сторону входа в салон.

— Отпусти, — шиплю, но он продолжает слушать, а сам буквально тащит меня: — Герман! — наконец, повышаю голос, надеюсь, Ян услышит.

А если он услышит, мой сын это просто так не оставит.

Не выдерживаю и резко выдёргиваю руку. Явно мышцу потянула, чёрт, из-за этого козла.

— Нет, всё в порядке, — слышу голос Германа и вижу недовольный взгляд в свою сторону: — Да, договорились. Она будет рада.

Лжец.

Боже, какой же гнилой и подлый обманщик.

Он отключается, убирает телефон, и тут же подходит ближе, опять распуская свои грязные лапы.

— Хватит. — чеканит по слогам: — Ты ведёшь себя хуже истерички.

— Твоего мнения забыла спросить, — едко цежу я: — Ты сообщил Яну? — с неким триумфом я спрашиваю, потому что знаю ответ.

— Сейчас это касается нас двоих, и пока мы не решим, ему об этом знать не нужно. — спокойно, будто я глупая маленькая девочка, он объясняет.

Это бесстыдство, тотальное отсутствие раскаяния и полная безнаказанность выводят из себя, и заставляют в прямом смысле, искрить собственное тело. Ощущение, что ещё немного и я загорюсь ярким буйным пламенем.

— И кто это решил?! — прищуриваю взгляд.

— Я, — заявляет, вздёргивая бровь: — Или я уже не отец собственному сыну?!

— Вот только не нужно этого... — морщась, хочу вновь освободиться от хватки и обойти его, но он явно считает, что я буду плясать под его дудку.

— Забери свои вещи, мы едем домой.

Дорогие наши читатели!

Если вас зацепила история Илоны и вам не сложно, помогите, пожалуйста, рейтингу книги вашими звездочками!

Это очень сильно поможет!##

(прода внеплановая, дальше два дня будем отдыхать)

Увлекательного вам чтения####

Глава 14

Смотрю на него внимательно, всматриваясь в каждую черту лица, которую и так знаю наизусть. Над левой бровью шрам — он получил его в армии, когда их отправили в лес на несколько суток.

А шрам над губой он заработал десять лет назад, когда подрался с каким-то мужиком в баре за то, что тот меня оскорбил. Я тогда была в красивом, довольно открытом платье. Герман не из тех мужей, кто запрещает носить короткие или откровенные наряды.

Но в ту ночь пьяному уроду показалось, что он может меня облапать. Благо муж ему почти что оторвал руки за это и сломал нос. У самого же остался лишь небольшой шрам, который я потом промакивала тампоном после драки и целовала.

Потому что чертовски сильно любила! И когда выходила за него замуж, знала, что всегда буду под защитой. Что ни один волос не упадёт с моей головы, потому что он этого не позволит!

Только вот я не учла один момент — красивые и сильные мужчины пользуются популярностью у женщин. И что когда-то он не устоит перед чарами и прелестями молодого тела...

И теперь мне не хочется целовать его шрамы на лице. Я хочу оставить ему новые — расцарапав его ногтями. Лишь бы эта ухмылка с его лица исчезла.

— Я никуда не поеду. У меня работа.

— Илона, ты можешь прекратить спорить? Или тебе так важно делать всё наперекор мне? Эта твоя дебильная черта характера меня всегда бесила! — он взрывается за секунду. — Я тебе говорю "А", ты мне обязательно в ответ "Б". Ну сколько можно? Если я сказал, что нужно взять вещи, значит, блядь, иди и возьми их. Это так сложно, да?

Когда на нас выплёскивают эмоции, высказывая свои обиды и претензии, мы обычно цепляемся за самые обидные для нас слова. Они срабатывают как триггеры. И ты уже не слышишь, что сказано после, и не помнишь, что было сказано до.

Перед глазами лишь красным пламенем, как буквы SOS, горят только те слова, от которых больно.

Значит, его что-то бесило... Вернее, не что-то. А то, что у меня всегда было своё мнение на всё происходящее. И он молчал. Столько лет молчал, терпя такую неудобную меня.

— Мне сложно даже рядом стоять с тобой. А ты просишь поехать домой.

Я почти выплёвываю эти слова с ненавистью и презрением. Хочу плюнуть ему в ноги, но уж воспитание не позволяет такие вольности. Я хоть и выросла в обычной семье, без серебряных ложек во рту, но манерам меня всё же научили.

Хотя в критических ситуациях мне хочется засунуть эти манеры в жопу! Да-да, именно туда.

— Илона, она не успокаивается, — Катя появляется в холле. Наверное, она слышала часть нашего разговора, но девка она хорошая — болтать лишнего не будет.

— Что случилось?

Герман опережает меня, задавая вопрос моему администратору. Катя рассказывает о случившемся, а я даже слова вставить не могу — Герман предостерегает меня взглядом, просит помолчать.

Убегаю в туалет. Даже не так... Я позорно сбегаю в туалет, ощущая, что если останусь там хоть на секунду — разрыдаюсь. Упаду на пол, как ребёнок, которому не купили конфету, и буду рыдать.

Я позволяю себе сесть на крышку унитаза в своём белом врачебном костюме, опустить голову на колени и порыдать, измазав штаны тушью.

— Илона... — стук в дверь.

Благо это не он, а Катя.

Я щёлкаю замком, и девушка открывает дверь. Молча протягивает мне воды в пластиковом стаканчике. Я выпиваю, пытаюсь успокоиться.

— Где он? — хриплю, подтирая следы туши под глазами.

— Разбирается с этой скандалисткой. Кажется, там назревает серьёзный конфликт.

Ещё этого мне в довесок не хватало... Может, меня сглазили? Сходить бы к какой-нибудь бабке, пусть почистит меня.

— Я на вас в суд подам, ясно?! Как вы смеете так со мной разговаривать?! — визжит эта истеричка, трясая своим дорогушим телефоном перед носом.

— Давай! Пошла отсюда к чёрту! — взрывается Герман и с такой злостью хватается её за локоть, что у меня в груди всё холодеет. Боже... Что он творит?! Он вышел из себя окончательно — и я понимаю: это может плохо кончиться. Очень плохо.

— Герман! — кричу в отчаянии, пытаюсь достучаться до него. — Прекрати немедленно!

— Скажите ему! — она дёргается, пытаюсь вырваться, но это бесполезно. Мой муж сейчас — сама ярость. Каменная глыба силы и безумной решимости.

— Герман, я сделаю всё, что ты скажешь... Только отпусти её! Прошу тебя!

Мне хочется провалиться сквозь землю. Позора больше и представить нельзя. Всё — теперь она разнесёт слухи по всему городу! Едва переступит порог — и всем будет известно, что здесь произошло. А значит — прощай мой маленький бизнес... Моё детище, в которое я вложила душу, нервы и бессонные ночи.

Господи, почему всё всегда валится в одну секунду?! Почему беда никогда не приходит одна?! Почему, если началась чёрная полоса, она утягивает тебя, как трясина, всё глубже и глубже...

— Вещи возьми и жди меня в машине, — рявкает Герман сквозь зубы. Я вижу его глаза — остекленевшие от бешенства. Страшно. Очень страшно. Таким я его видела всего пару раз — и каждый раз это было что-то запредельное.

Лучше бы я промолчала... Лучше бы я сделала ей эти чёртовы губы, закрыв глаза на свои принципы.

Потому что сейчас всё катится в пропасть.

— Отпусти её, Герман... Я сделаю, как ты просишь, только отпусти её.

Он резко убирает руки, и девушка, всхлипывая от страха и злости, тут же отскакивает от него.

— Если хоть слово пикнешь кому-то — я тебя удавлю. Поняла меня?! Не испытывай судьбу.

Он всё рушит... Всё ломает... Я ненавижу его в этот момент.

— Больные убудки, — бросает она напоследок, хватая своё пальто и вылетая за дверь так быстро, будто он сейчас передумает и догонит ее.

— Илона... Она нам таких проблем принесёт... — Катя смотрит на меня глазами полными ужаса.

И я знаю — права. Чёрт возьми, права.

— В машину, — он рявкает на весь холл, — живо!

Я сжимаю губы, заставляю себя держаться. Прошу Катю отменить все записи на сегодня — ситуация за гранью. Сейчас не время спорить. Не время демонстрировать характер.

Нужно быть умнее. Холоднее. Ловчее.

Чтобы спасти то, что ещё можно спасти...

Глава 15. Герман

От адреналина колотит так, что, сев в машину, руль сжимаю до побелевших костяшек. Мало мне собственного дерьма — ещё эта выхухоль перекачанная.

Илона сидит рядом, но притихла. Наконец-то, мать её. Бросаю взгляд в её сторону — сидит, отвернувшись в окно и опрокинув голову на подголовник.

Вывела.

— За вещи, конечно, спасибо... — начинаю более ровным тоном, вспомнив о сюрпризе. — Но ты считаешь это поступком взрослой женщины? — Она не реагирует, так и сидит, отвернувшись.

Знаю, что эмоции — это лишнее, поэтому, как и делаю с Крымским, просто отключаю всё. Этот упырь не даёт мне вздохнуть уже год со своими судебными исками, а тут Илона буквально запустила цербера своими угрозами.

Лишь холодный разум хотя бы одного человека поможет нам преодолеть этот кризис.

— Я сейчас выскажусь, а ты послушай. Или ответь, если готова к конструктивному диалогу. Без нападок слетевшей с катушек, — начинаю отстранённым тоном. — Я признаю вину, Илона. Не смог рассказать тебе и, да, довёл до этой точки. Однако, никого больше нет. Я ясно дал понять, что ты — одна важная женщина в моей жизни. Это не изменилось и не изменится. — Она качает головой, мельком замечаю, пока наконец вырulingиваю с парковки.

— Герман, о чём ты? — слышится её усталый, но твёрдый голос.

— О том, что ты должна найти способ пережить это, — заявляю, выезжая на дорогу.

— Я?! — резко оборачивается она. — Зачем?!

— Затем, что ты — моя жена, — коротко чеканю.

Она прожигает яростным взглядом в ответ, и её тёмные по природе глаза, уверен, сейчас готовы выжечь дыру в моём лбу. Впрочем, мне плевать на её эмоции в этот момент. Потом она скажет мне спасибо за то, что мы сохранили семью.

Слышу, как вновь вибрирует мой телефон, и, вставив его в держатель на панели, я отвечаю по громкой. Илона тем временем буквально дышит короткими вдохами — и делает это слишком демонстративно. Давно ли в ней актриса поселилась?...

— Слушаю.

— Герман Дмитриевич, простите, что отвлекаю. Сегодня подписание двух новых контрактов... — голос секретаря звучит встревоженно и осторожно.

— И? — перебиваю я её, набирая скорость на дороге. — Вы впервые будете это делать в моё отсутствие?

— Нет, просто Филипп Сергеевич сказал...

— Лена. Важная информация для меня, по факту, есть или нет?!

— Извините, — тут же шепчет секретарь и пожелав хорошего дня отключается.

— Возвращаясь к нашему разговору... — спустя пару секунд возобновляю беседу, а Илона вдруг сама перебивает меня.

— Я не буду искать ни решений, ни способов, ни вариантов прощения, Герман. И если бы ты хотя бы на секунду подумал обо мне во всём этом абсурде, то сам бы это понял.

— Нет, Илош, — упрямо настаиваю. — Я как раз и думаю о тебе...

Фраза вводит её в ступор, а я в эту секунду торможу на светофоре.

Оборачиваюсь на неё, явно указывая, что она не понимает элементарного.

— Ты останешься одна, — упрямо, глядя в глаза, перечисляю. — В апатии и депрессии, с непониманием, что делать с собственным кабинетом... — намекаю на наш, годовой давности примерно, разговор и тот бизнес-план, что был расписан. — А если сейчас эта силиконовая долина подаст иск, то тебя ждут крайне большие траты и долгие разбирательства, — говорю

о том, о чём знаю не понаслышке, как и она из моих уст. — И даже если ты выиграешь дело против этой мадам... — перехожу к тому, о чём Илона тоже наверняка уже думала. — То как ты создашь личный бренд со своим помещением без вложений?! Ты ведь не останешься арендовать места... Помнишь, как совсем недавно говорила, что устала от переездов. Это ведь абсолютно не то, чего ты хотела, — договариваю и выдерживаю паузу, наплевав на то, что сзади уже несколько машин орудуют клаксонами.

Илона, повыше вздёрнув подбородок, пытается линчевать меня сейчас своими карими глазами. А когда она хочет что-то ответить, я резко срываюсь с места, чтобы хоть немного сбить её эту спесь.

Бесит своим упрямством.

— Это ты сейчас намекаешь на то, что я без тебя не смогу? Или что?! — наконец, слышу её яд и усмехаюсь.

Неопределённо веду плечом, а после начинаю перечислять.

— Вот ответь мне, дорогая моя, как были поделены наши обязанности?

— Баринов, не выводи меня... — чеканит она.

— Ты за что отвечала, пока Ян не вырос?

— Может, ещё вспомнишь, как жили в съёмной комнате?! — психует она.

— Спокойнее. У нас диалог, а не парад диких животных, — вижу, как она с силой трёт лицо и сжимает зубы. — Даже если и вспомнить то время, какая часть была на мне? — жёстче выговариваю слова. — Отвечай, Илона.

— Деньги, — нехотя бурчит она.

— Это изменилось на сегодняшний день?! — буквально по слогам выдаю, бросая на неё взгляд.

Глава 16

— Я знаю, что ты пытаешься сделать, Герман.

Захожу в квартиру первой, со злостью бросаю связку ключей на тумбу — металлический звон пронзает тишину, эхом отдаваясь в пустых комнатах. Ключи отскакивают, царапают полированное дерево и, не удержавшись, с глухим звяканьем падают на кафель. Один из них, самый маленький, подскакивает и закатывается под комод.

Я выпрямляюсь, тяжело дыша, и чувствую, как напряжение пульсирует в висках.

— Да, и что же? — он облокачивается о дверной косяк, скрещивает руки на груди и смотрит пристально.

Ощущение, будто он пытается загнать меня в клетку, как зверька. Только я вот вижу прекрасно все его ходы — я знаю его слишком хорошо, чтобы не понимать происходящее.

— Пытаешься сделать меня виноватой, Герман. И у тебя ничего не выйдет.

— Илона, это всего лишь твои выдумки. Я признаю свою вину, но не вижу смысла разводиться. У нас хорошая семья, мы живем в достатке. А с остальным... разберёмся. Да ведь?

— Нет! — я вновь кричу. Потому что бесит! Бесит, что он делает из меня дуру. — Как я смогу закрыть глаза на то, что ты спал с другой? Герман, очнись! Как я должна это сделать? Мне больно, ты понимаешь? Ты сердце мне вырвал и растоптал.

— Я просто спал с ней, Илона, — он ударяется ребром ладони о дверь. — Но любви там нет. Я тебя всегда любил. Для мужчины измена — это другое... Вот если бы я проникся чувствами к той девушке — тогда да. А мне просто хотелось разрядки.

— А меня мало было, да? Или что, скажи мне, Герман? Что? Тело уже не такое красивое или, может, я стара для тебя? Хотя я вроде слежу за собой — морщин особо и нет, от меня приятно пахнет, волосы чистые, маникюр свежий. Что не так? Почему нельзя было со мной разряжаться? Ты никогда не жаловался на наш секс. Или притворялся?

Мне так мерзко всё это обсуждать, что меня колотит от отвращения. Но что было не так?!

— Нет, ты всё ещё желанна. Но есть вещи, которые я не хотел бы пробовать с тобой. Понимаешь?

— Нет, Герман, не понимаю. Что, например?

— Например, грубый секс, Илона. Очень жёсткий. Я же не стану тебя придушивать...

— Ты болен, да?!

— Ну вот видишь, — он всплескивает руками. — Вы, женщины, не понимаете, что мужчине важен разный секс. У всех есть фантазии. И да, сексуальные отклонения допустимы, если они не переходят грань. Я люблю грубо, и ты это знаешь. Мы пробовали с тобой — и что по итогу? Тебе не понравилось.

— И всё же я виновата...

Усмехаюсь горько. Всё это тошно.

Да, я знала, что Герман — ещё тот половой гигант. Что у него высокая половая конституция. Что для него секс — это важно. Поэтому я всегда старалась максимально сделать ему приятно, как и он мне. Но, оказывается, этого было недостаточно.

— Блядь, Илона! Ты вычленяешь из моих слов не то, что я хотел донести. Я виноват, слышала? Виноват. А теперь предлагаю всё забыть. Там стоит точка, возврата не будет. А вопрос с нашей сексуальной жизнью... мы решим.

Я запрокидываю голову назад и начинаю смеяться.

Иду на кухню, на ходу стягивая волосы в небрежный хвост — резинка то и дело выскальзывает из пальцев. Пальцы дрожат. Всё внутри кипит. Хочется раскрошить всё, что под рукой: швырнуть тарелки об пол, чтобы фарфор разлетелся по углам. Любимая чашка с синим ободком — в первую очередь. Пусть каждый осколок отлетит с глухим щелчком, пусть рассыпятся,

как я внутри. И потом всё это — прямо к его ногам. Пусть наступит. Пусть хоть немного почувствует, как это — больно.

Хочу, чтобы ему было больно. Так же, как мне. Или ещё больнее!

Секса ему жёсткого захотелось, грубости ему мало.

Хотя, почему я удивляюсь — я же знала, за кого выхожу. Не за нежного мужчину. Не за романтика. Не за того, кто целует пальчики на ногах.

И всё же в нашей жизни были моменты нежности... Просто, видимо, это было нужно мне. А он тайно мечтал поставить меня раком.

Достаю из холодильника форель — холодная, скользкая, пахнет сырой водой и льдом. Мне нужно отвлечься, хоть чем-то занять руки. Бросаю рыбину в раковину, вода с глухим всплеском разбрызгивается по столешнице. Беру нож и с остервенением начинаю соскабливать чешую. Она летит в разные стороны, прилипает к пальцам, к рукавам, к плитке на фартуке. Руки быстро краснеют от холодной воды и грубых движений, но я даже не замечая.

Герман успевает переодеться в домашнюю одежду, молча заходит на кухню и наливает стакан воды. Я чувствую спиной, как он наблюдает за мной.

Кладу рыбу на разделочную доску. Представляю, что это не форель, а он. И без раздумий — один резкий, точный удар. Голова отделяется, скатывается к краю доски.

Ни сожаления, ни колебания.

На моих плечах сжимаются сильные руки, от боли его прикосновений я сильнее стискиваю рукоятку ножа.

— Илона, мне жаль. Правда жаль.

Он утыкается носом мне в шею, вдыхает запах. А я так и стою, не шелохнувшись.

Внутри ураган из таких эмоций, что я даже не понимаю, как ими управлять.

Женская обида настолько страшна, что я сейчас без зазрения совести развернулась бы и воткнула ему нож прямо в сердце.

Закусываю до боли губы. Между лопатками от напряжения всё горит, спину тянет, как натянутую струну.

— Я знаю, что нам поможет пережить всё это...

Ничего нам уже не поможет, Герман. Ты всё испоганил.

— Что же? — и всё же я хриплю, задавая вопрос.

Просто интересно, на что его фантазия ещё способна. Что он там такого придумал.

— Давай родим малыша.

От шока я резко разворачиваюсь, и кончик ножа всё же задевает его торс, оставляя глубокий порез.

Герман резко отшатывается, прижимает руку к боку. Пальцы сразу окрашиваются в красное.

Он морщится, но молчит.

Я смотрю на нож, потом на него, и только тогда отпускаю рукоятку. Она падает на пол с глухим стуком. Руки резко становятся тяжёлыми, будто свинцом налились.

Глава 17

Смотрю на него ошалевшими глазами и в моменте не понимаю, что делать. Герман отшатывается и хватается рукой за бок. Его белая футболка мгновенно окрашивается в ярко-алый цвет. А меня начинает трясти. Руки дрожат. Держа их перед собой, я смотрю на них не в силах поверить, что я это сделала.

— Герман, — шепчу, вскидывая глаза на него.

Он морщится от боли, а я в прямом смысле, хватаюсь за голову. Шок настолько выносит меня за пределы реальности, что я не соображаю, что делать.

— Илона, принеси аптечку, — хрипит Баринов, поднимая футболку.

— Я не хотела... — шепчу я бессвязно.

Даже если я и была зла, намеренно причинить ему увечья... Я не сумасшедшая. Хоть и мою стабильность он не хило подорвал. Я бы никогда не смогла так поступить.

Позвоночник словно металлический штырь, а я, как пришибленная смотрю на эту кровь, что капает на пол.

— Надо в больницу, — наконец, мозг генерирует правильную мысль и понемногу включается несмотря на бушующий тремор во всём теле.

— Я сказал. Принеси аптечку. — чеканит он в приказном тоне, и, сглотнув, я всё же на ватных ногах выхожу из кухни.

По мере того, как приближаюсь к спальне ускоряюсь, а перед глазами всё ещё этот чёртов нож, который я не опустила, резко обернувшись.

Но здесь, пока я рыщу в небольшой тумбе, до сознания доходит. Я вспоминаю слова, что последовали от него за секунду до этого нелепого происшествия.

«Давай родим малыша»

Так он видит будущее, так он хочет восстановить нашу семью... даже не думая, что безвозвратно её уничтожил. Так просто?!

Лечь с ним в одну постель, заняться любовью, чтобы сделать ребёнка...проще простого, особенно когда тебя воротит от этого человека.

Дышу короткими вдохами, чтобы не давать панике и новой порции злости разыграться. Взяв чемоданчик, иду в сторону кухни.

Когда возвращаюсь, вижу, что Герман прижимает кухонное полотенце к порезу и, судорожно открываю аптечку.

— Дай, я осматрю, — наконец, во мне просыпается холодный разум вместе с человеком, когда-то учившимся на медицинском.

— Ерунда, царапина. — озвучивает он, а я прикрываю глаза.

— Повторять я не стану, Баринов. Или обрабатывай сам. — спокойно отвечаю, демонстративно закрывая свою аптечку.

— Ладно... — спустя паузу мужчина всё же соглашается и отнимает руку с окровавленным полотенцем от раны.

Мою руки и затем присаживаюсь перед ним на корточки, чтобы рассмотреть, насколько глубоко остриё ножа его задело.

— Порез довольно глубокий, но навскидку ничего жизненно важного не задето, — глухо констатирую, собираясь промыть ему рану: — Сейчас будет щипать.

Честно, спустя десять минут после случившегося, я даже не знаю, чувствую ли я вину или нет.

Может быть, эта случайность совершенно не случайна. И та боль, которую он испытывает сейчас крохотный ответ на то, что чувствую я, пряча это за маской своей истерии.

Эдакая обратная связь от обманутой жены.

Собственная мысль заставляет усмехнуться, а затем я и вовсе смеюсь, видимо, таким образом, прогоняя весь этот стресс.

— Что ты нашла в этом забавного? — вскинув бровь, задаёт вопрос Герман, а я мотаю головой и ничего не отвечаю.

Вместо этого от души лью ему перекись водорода на рану и слышу, как он шёпотом матерится и закусывает кулак.

В той другой нашей жизни я бы подула, облегчив его муку, но не сегодня. Ещё больше вливаю раствора, намеренно нажимая по краям раны, чтобы хорошенько промыть.

— Илон! — цедит Герман, сверкая своим взглядом.

Поднимаю на него невинные глаза и вопросительно приподнимаю бровь.

— Может, хватит? Я понял. — озвучивает он, чуть морщась.

Неопределённо хмыкая, напоследок снова давя на пузырьёк. Но так как первая доза раствора уже прошла, сейчас боль уже не ощущается. А жаль.

— Я не специально это сделала, Герман, — коротко говорю.

Я могу быть отчаянной, он знает. Но не до такой степени. К тому же как бы я и что ни говорила, моя ненависть - это лишь результат того, что чувства не могут просто взять и исчезнуть в одно мгновение.

Никто не сможет прошептать заклинание и избавить меня от боли, любви, ненависти и отвращения. Это в любом случае есть, и да, сейчас всё то, светлое и искренне нежное, что я чувствовала к этому человеку, модифицировалось именно в эти чувства. Мерзкие и отвратительные, которые ты не хочешь чувствовать, но, чёрт возьми, испытываешь.

— Я знаю. — озвучивает он, когда я, промокнув рану салфеткой, пытаюсь заклеить бинт вокруг пореза.

К врачу ему в любом случае нужно. Только он определит необходимость того, нужно ли зашивать, а заодно и сделают укол против заражения.

— Запишись к врачу, — сделав заплатку из бинтов и пластыря, поднимаюсь с корточек.

Отхожу к столу, зная, что ему нужен отдых. Но я не оставлю его здесь, вызвав врача на дом, якобы мы продолжаем жить эту замечательную жизнь.

— Ты не ответила, — перебивает он меня, обходя и становясь передо мной.

Захлопываю крышку аптечки и поднимаю на него свой взгляд.

— Ответь, ты вообще в своём уме? — наконец, вполне серьёзно спрашиваю: — Как ты даже подумать можешь, что я лягу с тобой в одну постель? Что после предательства я буду хотеть от тебя детей?! Как тебе вообще это в голову взбрело?! Герман, окстись, пожалуйста! — в голосе даже слышится просьба, а звенящему напряжению я просто не даю перерасти в новую порцию скандала и криков.

— Ты любишь меня, Илона, — с тотальным превосходством усмехается он: — И я знаю тебя... твоё тело. — вскидывает бровь: — Считаешь, что я не сделаю так, чтобы ты потекла?! Не смогу заставить тебя стонать и извиваться подо мной?! — он морщится, придерживая бок, а я закрываю рукой глаза, считая, что это клиника.

Ничего не отвечая на эту ересь и схватив аптечку, двигаюсь обратно в спальню. Хлопаю себя по карману, проверяя наличие телефона и удостоверившись, что он со мной, незаметно выдыхаю.

Глава 18

Сейчас я не думаю, что идея пырнуть его ножом такая уж и плохая. По крайней мере, это сработало — он заткнулся. Но, конечно же, ненадолго. Он снова говорит.

Этот голос, когда-то родной, теперь звучит как скрежет по стеклу. И его слова срабатывают на меня не так, как он рассчитывает. Мне не хочется понять — хочется добить. Как он добивает мою нервную систему прямо сейчас. Все мои оставшиеся нервные клетки пляшут чётко, бешено отбивая ритм паники, гнева и бессилия.

Я подлетаю к столу. На нём — моя любимая ваза. Когда-то в ней стояли цветы. От него. В те времена, когда я верила, что он способен на чувства. Сейчас ваза пуста. Как и я. Она как зеркало моего состояния — красивая снаружи, но абсолютно ненужная внутри.

Я действую, как в тумане. Всё происходит в состоянии аффекта — холодного, ледяного.

— Илон, я был не прав, — говорит он, стараясь звучать мягко, чтобы успокоить меня. — Надо было обговорить с тобой наш секс. Честно сказать, чего мне не хватает.

Серьёзно? Секс? Это всё, о чём ты думаешь, пока я стою на грани?

Я не отвечаю. Ладонь обхватывает вазу — тяжёлая, фарфоровая. Примеряю её на вес. Если метко попасть в голову — он должен упасть. Может, даже сотрясение. Или хуже. Опасно. Можно убить.

И это единственное, что меня останавливает. Сесть за убийство мужа такая себе перспектива.

Может, в колени? Поломать кости. Пусть почувствует, каково это — быть сломанным. Кости ведь не так жалко, как голову. Голова — это центр. Центр боли. Центр лжи.

— Мы можем всё изменить, Илош. Интимную жизнь. И малыш получится сам собой. "Малыш".

Как мило. Он всё ещё верит, что говорит правильные слова.

Нет. Всё же лучше в голову. Чтобы больше никогда не заговорил.

Я разворачиваюсь резко, с силой. В глазах туман ярости. Сердце грохочет, как барабан перед казнью.

Я кричу. Громко, с надрывом, рычанием. И бросаю вазу.

Она летит — как мстительное проклятие. Но Герман успевает отскочить. Со звоном она бьётся о дверной косяк и падает к его ногам, разбиваясь на осколки. Белые, острые, как мои чувства.

Но она падает не только к его ногам.

Я поднимаю глаза. В дверях стоит Ян. Наш сын. В верхней одежде, с ключами в руке. И с выражением абсолютного ужаса на лице.

— Когда отец говорил про ваш романтик... — он замолкает, сглатывает. — Я не думал, что всё настолько серьёзно.

— Сынок... — Герман делает шаг вперёд, голос почти умоляющий. — У мамы нервный срыв. Мы разберёмся. У тебя что-то случилось? Почему ты приехал?

— Хорошо, что приехал, отец. Вы тут устроили... чёрт знает что. А если бы поубивали друг друга?..

Он смотрит на осколки, потом на меня.

— Мама бы не стала бросать в меня вазу. Она знала, что я увернусь.

Нет. Я надеялась, что попаду.

— Я же говорил, что на днях заеду, не помнишь?

Он смотрит на меня. Глубоко. Тревожно.

— Мам... Ты в порядке?

Герман бросает на меня взгляд, в котором — предупреждение. Молчи. Не впутывай сына.

Но я не молчу.

Я не обязана больше молчать.

— Отец хочет кое-что тебе сказать.

— Да? — Ян вскидывает брови. — Что такое?

Герман стискивает кулаки. Он в бешенстве. Но не потому, что я что-то разрушила. А потому, что контроль ускользает.

— Мы с мамой решили... завести ещё одного ребёнка.

Он говорит это, будто бросает бомбу, за которой должна следовать тишина и слёзы умиления.

Я молчу. Рот приоткрыт. Глаза — в шоке. Как он смеет?

— Ого, — Ян усмехается. — Неожиданно.

— Мы просто... переживали, как ты отреагируешь. Всё-таки ты у нас один.

— Да я только рад за вас, честно. Мам? А ты чего молчишь?

И правда. Чего я молчу. Давай, Илон, соберись. Дышу глубоко, стараясь делать ровные вдохи и выдохи, но по ощущениям — полная хрень.

— У мамы гормоны, — кидает Герман. — Она потому и сорвалась. Всё будет хорошо.

Ян снова смотрит на меня.

— Мам?

Всё. Я наконец нахожу точку опоры, немного успокаиваюсь внутренне, хотя меня всю трясёт.

— У твоего отца любовница.

Герман со свистом выдувает воздух. А что ты думал, я буду сейчас молчать и плясать под твою дудку? Нужен ребёночек. Иди к своей Сонечке. Идиот.

Глава 19

Ян на одну секунду буквально теряется от неожиданного заявления. А я выдерживаю на себе взгляд Германа.

Напряжение в воздухе трещит, словно рвущиеся швы на одежде. Как в замедленной съёмке наблюдаю, что Ян медленно сводит брови к переносице и также медленно поворачивается в сторону отца.

Наш сын с характером. А точнее, он сочетает в себе качества нас обоих. И эта смесь получилась, мягко говоря, ядерной.

Герман, играя желваками по лицу, переводит глаза на сына.

— Мы сами разберёмся, Ян, — предостерегающе озвучивает мой лишившийся рассудка пока еще муж.

На что Ян с мнимым удивлением вскидывает брови.

— С чем тут разбираться? — сын делает шаг к отцу, вставая напротив: — Скажи.

— Так, — Баринов тычет в лицо Яна пальцем: — Пыл поумерь и стойку убери. — указывает сыну рукой на то, что тот стоит, расставив ноги: — Тебя это не касается.

Ян смотрит на отца исподлобья, а я начинаю волноваться, как бы они не выбесили друг друга. Однако, кажется, именно это и есть цель Германа. Чтобы вывести из себя всех. Потому что если сейчас он будет указывать единственному сыну на деньги, как и мне, то это точно станет началом потасовки.

Может быть, не нужно было писать Яну СМС, чтобы он срочно приехал. Но я осознаю, что сейчас одной мне с этим незнакомым человеком, в которого превратился Герман, не справиться.

— Это ты так решил?! — чеканит в ответ сын: — Что ты от неё сейчас хочешь?

— Ян, — как бы снисходительно начинает Баринов: — Это была ошибка, и я пытаюсь донести до твоей матери, но... — оборачивается на меня: — Она не понимает.

Усмехаюсь, скрещивая руки на груди. Я просто хочу, чтобы он исчез. По щелчку пальцев: раз, и нет этого подлеца.

— Ошибка... Всего-то, — вижу, как отводит взгляд в сторону сын и усмехается.

А в следующую секунду наблюдаю, как с молниеносной скоростью кулак Яна прилетает в лицо Баринова.

От неожиданности вскрикиваю, а Герман отшатывается, и его голова от силы удара поворачивается в сторону.

— Ты охренел?! — ревёт Баринов на всю кухню: — Вспомни, чёрт тебя дери, где ты сейчас и кто ты! Благодаря кому! — орёт оттого, что его авторитет не то, что даже пошатнулся.

Он в натуральной заднице.

— Не смей кичиться деньгами перед ребёнком, — вступаю я, пытаюсь сохранять своё спокойствие.

— Ма, не надо. Иди в комнату, я сейчас приду...

— Отлично! — цедит Баринов: — Считаешь нормальным, что этот ребёнок ударил меня?!

Я даже не пойму, на жалость он давит или это очередной взрыв абсурда от этого человека, как и с малышом.

— Тебя послушать, Баринов, так ты ангел... — с удивлением я проговариваю, глядя в его, налитые бешенством глаза: — Случайно встретил шлюху, случайно переспал...но только потому, что жены недостаточно было. Не разделяет она, дурная, твоих интересов. Других причин, конечно же, нет. А наш сын, значит, неблагодарный, потому что хочет защитить свою

мать... И только ты, Герман, золотой мужчина, самому то не смешно? — смотрю на него, качая головой.

Внутри ощущаю противоречивое спокойствие. Может быть, потому, что сын здесь, а может быть, я просто устала. Устала от этого дня, от этого человека и его идиотских доводов.

— Тебе, отец, лучше убраться отсюда, пока я не добавил, — решительно добавляет Ян: — Сейчас вы не решите ничего. И сомневаюсь, что общее решение теперь вообще будет.

— Ещё и угрожает, — усмехается со злостью Герман: — А то, что твоя мать меня пырнула, не хочешь узнать?! Всадила в меня нож!

Он указывает на окровавленное пятно, которое сын явно увидел, но, видимо, посчитал, что мы здесь сошли с ума и действительно дерёмся.

— Я случайно! — практически перебиваю Баринова: — Если бы ты думал, что несёшь, этого бы не случилось...

Ян явно пребывает в шоке, и я вижу, как переводит вопросительный взгляд на меня.

— Если бы мама хотела этого, то вонзила бы тебе нож или в сердце или в пах, — в ответ выдаёт Ян: — Так что эта случайность...

— Сыграет весомую роль в суде! — огрызается Герман с шипением.

Видимо, рана даёт о себе знать в особенности, учитывая, что мужчина явно в тихом бешенстве. Не было бы этого пореза, убеждена, мы бы видели совершенно иную картину.

— Что ты хочешь этим сказать? — вижу, как сверкают глаза сына после его шипения: — Заяву накатаешь?! — хмурится он: — А как же малыш-то, а, отец?! Не кажется, что ты сам себе противоречишь?

Ян явно издевается, а я в этот момент зависаю только на словах Германа.

Смотрю на этого человека, не веря в то, что слышу.

Нет, за последние дни я очень многое увидела, и ещё больше поняла. По правде сказать, я потеряла того человека из своего прошлого. Потому что я не узнаю его в этом мужчине напротив. Вероятно, и он тоже, раз говорит мне подобные вещи и всячески унижает, обесценивая меня как женщину, как супругу, и сексуального партнёра, в том числе.

Но я никогда и не думала, что мы вдруг превратимся в подобие тех неблагополучных семей с российских каналов и будем писать заявления друг на друга... Ведь именно это Баринов имеет в виду?

Глава 20

— Успокой мать, а с тобой мы позже поговорим о твоём поведении, — Герман проводит руками по лицу, будто стирая усталость, — Остыньте оба.

Хватает куртку с вешалки, поворачивается и смотрит на меня.

— Илон, я закрою глаза на то, что ты подключила сына к нашим отношениям. Но впредь думай головой.

— Это ты не думаешь головой, — скорее бы он ушел. Я не могу его видеть, не могу слышать этот голос.

В лицо родное смотреть без боли и омерзения тоже не получается. Вспоминаю, как часто он говорил, что любит. Разве с любимыми так поступают?

Он играет челюстями, испепеляя меня гневным взглядом. Хочется побыть той молодой девчонкой, показать ему средний палец, но при сыне я сдерживаю порыв.

Дверь хлопает, и с этим хлопком меня словно выворачивает наизнанку. Тело тут же смягчается, я спускаюсь на пол и сажусь на холодный кафель. Подтягиваю ноги к себе, опуская голову на колени.

Почему от женщины всегда требуют мудрости, стойкости и силы? Почему нельзя позволить себе злиться, плакать, кричать? Ведь мы живые... Наши эмоции — это не пустой звук.

И плевать, как я выгляжу в этот момент. Хоть с пеной у рта. Я же имею право чувствовать боль и проживать её так, как умею.

Из всех щелей трубят, что ты должна оставаться холодной, показать ему, что он потерял, и уйти с гордо поднятой головой. Да я бы и рада.

Только годы совместной и счастливой жизни не вычеркнешь из памяти. Любовь к человеку, который тебя сломал, по щелчку не выбросишь из сердца. Можно убедить себя в этом сраном обещании, что тебе не больно.

Итог один — слезы в подушку ночью. Чувства по щелчку пальцев не отключаются. Это долгий путь. Путь с большими потерями.

— Мам, — сын присаживается на корточки и берет мои руки в свои теплые ладони, — Отец безусловно не прав. Но ты себя не бережешь. Вставай, пол холодный.

Он, мой мальчик любимый, который плакал, когда у него резались зубки, когда были колики. Малыш, который засыпал, сладко причмокивая, на моих руках. Моя большая мечта, которую я так ждала. Сыночка хотела.

Он сейчас совсем взрослый мужчина, даже морщинки неглубокие уже есть. Ясные и умные глаза. Упрямая челка, падающая на левый глаз, которую он все время поправляет, зачесывая назад.

На бицепсе набита татуировка, он сделал ее год назад, не сказав об этом нам с Германом. Мы увидели ее случайно, когда он пришел к нам в гости и снял свою толстовку.

Я поинтересовалась у сына, что значит рисунок, а Герман как обычно фыркнул и сказал сыну, что тот лучше бы работу нормальную нашел, а не ерундой занимался.

И теперь не он во мне нуждается, а я в нем. Смертельно нуждаюсь в поддержке сына, в его объятиях.

Ян подхватывает меня за подмышки и поднимает с пола.

— Можно я поплачу? — мы поменялись ролями. В жизни именно так и случается.

Сначала мы за ними ухаживаем, растим, потом они за нами ухаживают и прощаются с нами.

— Поплачь, мам.

Он ладонью проводит по моему затылку, и я утыкаюсь в сильную грудь молодого мужчины, которого мы вместе с Германом воспитали. Нельзя перечеркнуть то, что мы сделали вдвоем.

Ведь Герман хороший отец, он вставал ночью к сыну, пеленал его. Гонял с ним мяч во дворе, даже когда был уставший после работы. Делал уроки.

А десять минут назад отец и сын были готовы набивать друг другу морды.

— Отец прав, — всхлипываю, — Я не должна была впутывать тебя в наши разборки.

— Мам, а кто тебе помог тогда бы, если не я?

Пожимаю плечами. Я ведь взрослый человек, должна сама себе помочь. Не всегда есть возможность взять себя в руки, иногда сил совсем не остается.

Но у меня они пока есть.

— Спасибо, что сразу приехал, сынок...

Я вытираю слезы, успокаиваясь. Мне нужна была эта пауза, и я очень благодарна, что Ян оказался рядом.

— Давай пообедаем, ма.

Улыбаюсь, поглаживая плечи взрослого ребенка. Ян решает мне помочь с готовкой. Я достаю из холодильника свежие овощи и вручаю ему, чтобы он порезал их для салата.

Сама же возвращаюсь к злосчастной рыбе, дочичаю её, мариную апельсиновым перцем и дольками лимона.

— Как ты узнала, мам?

Сын прерывается от нарезки огурца. Хмуро смотрит перед собой, отчего его лоб сильно морщится.

— Новая помощница отца отправила по ошибке мне букет, который предназначался другой девушке. Твой отец устроил целый спектакль, куда втянул даже своего брата, а тот услужливо подыграл.

— Костя?

Брови Яна удивленно взлетают вверх, он даже откладывает нож, полностью игнорируя готовку.

Я вытираю руки о вафельное полотенце серого цвета, бросаю его на столешницу со всей силы, у самой руки трясутся от гнева.

— Да, сказал, что мол, это его девушка, а помощница все напутала. Благо я не дура, сын, своими глазами убедилась, чья она девушка.

Кадры мужа в той квартире заставляют сердце вновь болезненно сжаться. Как и кулаки моего сына, которые сжимаются тут же.

— Ян, я разведусь с твоим отцом. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Хорошо, мам. Но могу я попросить тебя о небольшом одолжении?

— Что такое?

Духовка плачет, оповещая, что рыба готова. Надеваю прихватки в виде силиконовых рукавиц, открываю дверцу, ароматный пар тут же ударяет в лицо, а в нос попадают аппетитные запахи.

— Я вообще хотел пригласить вас двоих на семейный ужин, день рождения мой не за горами...

Глава 21. Герман

Из рук всё валится, не могу взяться за работу. Мысли только о ней. Разве так легко откажется?!

Злость сошла на нет. Почти. Лишь когда думаю о сыне и о том, что она намеренно его подключила, хочется рычать в голос. Нахрена втягивать парня?!

Ему что, заняться нечем? Понимаю: мама для него всегда была на первом месте. Не маменькин сынок, но защищал он её с самых пелёнок, даже если в этом не было нужды.

Радоваться бы, что такая опора есть. Но в моём случае сейчас — это не радость.

— Герман Михайлович, — по громкой связи раздаётся голос секретаря, — заседание с Крымским завтра в двенадцать, вы просили напомнить.

Твою же мать. Ещё и этот ублюдок.

Делает мозги фирме и мне уже на протяжении года. Видите ли, группы быстрого реагирования не выполнили свои обязанности по договору в отношении его ИП как заказчика. И эта канитель ежемесячная, без чёрт возьми, единого сдвига хоть в какую-то сторону.

И всё бы ничего, да только подлец чушь несёт и хочет ещё компенсацию и возмещение на сумму украденного у него.

Хрена с два я прогнусь под этого урода.

— Спасибо, — коротко отвечаю секретарю.

А сам берусь за мобильный. Вижу новые уведомления, и, когда замечаю, от кого они, палец замирает над экраном.

Там фото. В миниатюре замечаю. Смахиваю с экрана, будто не видел этого.

Неправильно сейчас реагировать, я ей чётко дал понять. Но следом приходит ещё одно уведомление.

Да, чёрт возьми, Соня!

Открываю сообщения. А там девушка на фото позирует в стиле ню. Её тело прикрыто лишь прозрачной сеткой. Провокационная поза, томный взгляд... всё то, что она умеет.

Красиво.

«Я знаю, что не должна... но я очень тоскую по тебе», — первое сообщение после её снимка.

«В глубине души надеюсь, что и ты тоже», — второе, которое, по сути, я и открыл.

Закрываю сообщения и вместо ответа звоню на номер жены. В который раз за последние два дня. Но Илона ведь гордая птичка.

Когда уехал от неё тогда, думал, сойду с ума от злости и отчаяния. Пока был у врача, немного отпустило, но в момент, как оказался в отеле, всё снова накатило.

Абонента для меня как будто не существует всё это время.

Усмехаюсь, потому что осознавал, как будет. Был уверен, что она превратится в фурию. В том числе за этот огонь в её венах и полюбил её когда-то.

Снова вспоминаю момент, когда всё закрутилось с Софией. Не вижу смысла заикливаться на том, что было. Но я не лгал Илоне, и пока не втемяшу ей в голову, что кроме неё никто мне не нужен, я не успокоюсь. Пусть хоть воем воет.

Пока я размышляю, дверь в кабинет открывается, и в проёме появляется Костя.

— Приветствую, — тянет он в своей немного ленивой манере. — Что там у тебя?

Он серьёзным взглядом всматривается в мои глаза, и я знаю, что он думает.

Высказал уже не единожды. Умник нашёлся, у которого каждую неделю новая баба.

— Хреново, — тем не менее признаюсь ему. — Не слышит вообще!

Только начинаю про это говорить, как сразу колпак срывает. Костя садится напротив, вальяжно раскинувшись в кресле. А в глазах, сука, упрёк.

— Убери это! — указываю на его лицо.

Он качает головой.

— Гер, ну ты бы, блядь, подумал, ну серьёзно... — он на секунду замолкает, а затем продолжает: — На кой хрен? Ещё и с Павловой...

Молчу в ответ. Разберусь. Соня не будет вытворять дичь, кроме как своих голых фото и слезливых сообщений. Побойтся.

— Прорвусь. Сейчас главное — вернуть Илону.

— А это вообще за гранью... — усмехается брат. — Ты хоть знаешь свою жену?! Даже я понимаю, что это заведомо провал.

Стискиваю челюсти, сверкая глазами на Костю.

— И не пыши здесь огнём, — добавляет он. — Ты не купишь её, не сможешь загладить вину, даже если желанный салон ей подаришь, о котором говорил мне... — качает головой брат, а я хмурюсь.

— А если лишу её этого? Если покажу, что она без меня не сможет? — вскидываю я брови.

Брат напрягается. Подаётся чуть вперёд и прожигает жёстким взглядом.

— Герман, ты хоть и старший брат, но ты несёшь полную дичь. Если узнает Ян, ты и сына потеряешь. Он мне уже звонил...

Хмурюсь на слова Кости. Она ему ещё и рассказала. Просто супер. Умный поступок.

— Что сказал? — чеканю я, чувствуя, как снова внутри бушует ураган.

— Что я гондон, — усмехается младший. — Не ожидал он от меня... — добавляет в конце.

— Это вообще не его дело, — рывкаю, тут же хватая телефон, чтобы набрать сына.

— Остынь, — тут же в ответ тормозит меня Костя. — Ты сейчас наломаешь дров, потом не отмоешься!

Дышу так, будто воздуха не хватает, тяну галстук, чтобы ослабить ворот.

Прикрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Брат молчит, ждёт, пока я соберусь с чувствами, а я снова и снова возвращаюсь к тому, что должен показать Илоне, насколько мы неразделимы. Любыми средствами, потому что цель всегда оправдывает средства.

Глава 22

— Илона, всё хорошо? Ты загруженная какая-то.

Пока я раздеваюсь, аккуратно складывая свои вещи на рядом стоящий стул, подруга обеспокоенно натягивает нейлоновые перчатки на тонкие руки.

Очень удобно иметь в друзьях врачей. У Василисы обычно плотная запись: она замечательный и высококласный врач, поэтому к ней тяжело спонтанно попасть — только по предварительной записи аж за месяц.

Но на моё сообщение, в котором была пометка «срочно», она отреагировала молниеносно. Тут же нашла для меня окошко, потому что прекрасно понимает, что просто так я не стала бы просить.

Внутри пустота. И какое-то жалкое отчаяние.

Потому что в тяжёлых ситуациях ты не всегда можешь реагировать и поступать так, как ты того от себя ожидаешь. И нет, дело не в отсутствии внутренней силы.

Оказывается, что когда мы фантазируем в голове, как поступим, мы не учитываем самый главный фактор — эмоции. Мы можем сколько угодно внушать себе, что будем сильными, хлопнем дверью и уйдём, но в тот момент, когда мы так решаем, мы не чувствуем эмоций.

А сейчас я чувствую. И они настолько губительные, что связывают мне руки плотным жгутом, больно впиваясь в кожу и оставляя следы, которые, кажется, никогда не исчезнут.

Настоящий рубец на сердце. Вот что страшно.

— Нет, Вась, всё нормально. Просто за последние дни навалилось дел полно, поэтому такая загруженная.

А ведь хочется выговориться, поделиться с подругой, но я держу в себе. Как-то не привыкла жаловаться на свою жизнь, просить помощи. Не умею.

Современные психологии учат этой свободе, когда просить помощи — это не про слабость, а про умение признать в себе живого человека. Но я не могу...

Знаю, что не будет осуждения. Но и жалости вынести не смогу.

Залезаю на кушетку, Василиса аккуратно и бережно всё осматривает, берёт мазки на ВПЧ — я регулярно раз в год сдаю. Мне так спокойнее.

— Ну что, поверхностная эрозия есть, но... в целом, Илон, всё у тебя хорошо. К чему такая срочность была?

Я приподнимаюсь на локтях, слабо улыбаясь ей.

— Мы можем спираль поставить, пожалуйста?

— Спираль? — она удивлённо взмахивает бровями вверх. — Ну, конечно, я могу тебе ее поставить. Но любое вмешательство в организм — это стресс. Мы можем сдать с тобой анализы, чтобы проверить фертильность, оценить твою овуляцию... — она продолжает, но я тут же перебиваю её.

— Нет, я хочу быть уверена, что точно не забеременею.

— Илон, что происходит? Зачем тебе это?

— Я хочу развестись с Германом. Но, — меня накатывает непреодолимая тоска и разочарование, — он не отпускает, Вась.

Знаю, что звучит абсурдно: я же, по сути, свободный человек. Герман непростой человек, он не даст мне просто так развода, до последнего будет бороться. И сейчас он уже заговорил о ребёнке...

Глаза Василисы расширяются, она сжимает губы в немом шоке.

— Нет, конечно, он силой меня брать не будет! — тут же успокаиваю её. — Но я просто хочу быть уверена в том...

Опускаю руки вдоль тела. Ну вот... Я выдохлась. Ужасно дискомфортно и больно всё это озвучивать.

— Окей, — благо Вася не из тех, кто задаёт слишком много ненужных вопросов. — Давай ты оденешься сейчас, и мы всё обсудим.

Она отъезжает от кушетки на своём стуле к столу. Делает записи, пока я одеваюсь.

Сердце стучит, как у кролика, за которым гонятся охотники. Мне бы спрятаться от проблем, но взрослые люди так не поступают.

Жаль, что иногда нельзя позволить себе быть тем маленьким беззащитным ребёнком.

Настойчивый звонок нарушает стерильную тишину. Я сразу понимаю, что звонит муж. Досадно стону, почти еле слышно. Но сбрасываю.

Вася наливает ароматный чай в кружки, ставит на свой рабочий стол пиалочку с конфетами и печеньем, отодвигая документы на самый край.

— Я сейчас, Илон, не как врач, а как подруга. Что случилось между вами?

Присаживаюсь на стул, поправляя блузку на груди. Волосы неприятно липнут к задней поверхности шеи, я снимаю резинку-пружинку с кисти руки и завязываю плотные густые волосы в хвост.

Доза дофамина лишней не будет. Хотя я и не ем сахар, а сладости заменяю сухофруктами, сейчас шоколадная конфета будет лучшим антидепрессантом.

Мне всегда было интересно, почему в мелодрамах женщины плачут и едят мороженое огромной ложкой из ведёрка... Господи, я бы сейчас три таких ведра съела. Если это поможет.

Разворачиваю шелестящий фантик, забрасываю чистейший сахар в рот и даю себе время успокоить бушующие нервы.

Попытки Германа дозвониться только раздражают.

— Возьми трубку, — Василиса аккуратно похлопывает меня по руке. — Я даже через телефон ощущаю, что он бесится.

Киваю ей, со вдохом отвечая тому, кто не умеет ждать.

— Что тебе нужно?

Он говорит не сразу, выдерживает какую-то дурацкую паузу, заставляя меня повторить свой вопрос.

Глухой стук на том конце трубки. Тут же понимаю, что психует.

— Ты сейчас же выйдешь от врача, Илона. Я не знаю, что ты там задумала, но если ты этого не сделаешь, я зайду в клинику и устрою там скандал, выведу тебя за руку.

Тело за секунду покрывается испариной. Очень неприятное ощущение липнувшей одежды к коже, которую хочется скорее снять, сдёрнуть с себя и встать под ледяной душой.

— Герман, не веди себя как быдло. Прошу тебя.

— Я не стану, если послушаешь. Иначе покажу всем свою непривлекательную сторону. Давай, Илон. Я на парковке.

Глава 23. Герман

Заседание прошло более успешно для меня. Однако это не принесло должного удовлетворения. Хотя считал, что если случится прорыв, то я буду похож на рождественскую ёлку. Но нет.

Единственная мысль, которая выедала мне мозг, это как сделать так, чтобы Илона образумилась. Есть ещё одна сторона, и это мой собственный сын.

— Надеюсь, ты готов к конструктивному разговору, — подхожу к столику, где сидит Ян.

— Тему не для бесед ты выбрал, — озвучивает, пригубливая свой кофе: — О чём ты хотел поговорить?

Задаёт вопрос, вскидывая бровь.

— О твоём участии в наших делах. Ты ведь вырос, стал взрослым. Съехал несколько лет назад ради самостоятельной жизни. Вот и проживай свою самостоятельную жизнь, выстраивая её, а когда это сделаешь, сможешь там чувствовать себя героем.

Глядя в глаза, спокойно излагаю сыну.

— Это как ты чувствуешь себя сейчас? — усмехается он.

Ну и характер.

— Ян, я знаю, что ты за маму горой, но...

— Вот просто ответь мне, — перебивает, глядя на меня предельно серьезно: — Оно того стоило?

Смотрю ему в глаза и молчу. Ответ слишком очевиден, только я его не видел раньше.

— Нет.

Коротко выдыхаю, показывая официанту подойти.

— Только это ничего не изменит, — выдаёт Ян спустя паузу, а я хмурюсь.

— Почему?

Теперь его очередь выдерживать паузу, что он и делает.

— Матери наплевать на это. Не позволит она себе оставаться рядом с человеком, который после столького дерьма, пережитого вместе, наплевал на всё ради парочки выстрелов спермы. — мрачно выдаёт он, а у меня желваки ходуном по лицу ходят.

Слова Яна доходят до цели, и он это прекрасно видит. Тот факт, что он не подбирает в выражениях — это из детства и частенько раньше за это получал. Однако его прямолинейность — то, что и я, и Илона всегда ценили.

Но когда тебе не нравится правда, и всё рассыпается словно песочный замок не шибко приятно это слышать.

— Ян, — прерываюсь, чтобы тоже заказать кофе, а затем поворачиваюсь к сыну: — Я буду счастлив, если у тебя не будет в жизни подобных ситуаций. Но, это лишь наше дело. Ты, безусловно, будешь поддерживать маму, однако, лезть в наши взаимоотношения не твоя прерогатива. Ты всё ещё наш ребёнок. Даже если и взрослый.

Сын, задумавшись, молчит, вновь отпивая глоток своего напитка.

— Бать, — тяжело проговаривает он: — Ты давишь. Хочешь непрошенный совет?

— Даже не буду спрашивать, как сам думаешь, — Ян невесело усмехается, а затем с серьёзным взглядом отвечает.

— Перестань донимать её. Она сильная, но не железная. И если она хоть заикнется о том, что ей сложно...

Снова цепляю челюсти. Как перестать, если она творит ерунду?! Истерит вместо того, чтобы обсудить, как быть, как исправить, что сделать...

Есть же варианты, чёрт возьми!

С этим живёт каждая вторая семья, но нет же, блядь, Илона гордая.

Молчание между нами затягивается, и я вижу, как Ян утыкается в телефон. Не лезу в личное, но по мимолетной довольной ухмылке сына понимаю, что это может быть.

— Очередная пассия? — выдаю я.

Не сказать, что он у нас ловелас, но пока не обременяет себя чем-то серьёзным.

— Наверно, — задумывается на пару секунд: — Что-то большее.

— Таких громких заявлений мы от тебя ещё не слышали.

— Надеюсь, скоро познакомлю, — тянет он самодовольно.

Киваю, принимая, потому что и вправду рад за сына.

— Ты сразу осознаёшь, что это оно, Ян. Поэтому если нет сомнений, то вперёд.

— Тогда ещё сложнее понять тебя... — вторит он всеидывая глаза на меня.

Поджимаю губы, оставляя несколько купюр на столе.

— Не держи на меня зла, но хук я ещё отработаю с тобой в зале, — шутливо треплю его за плечо: — А насчёт этого кризиса... мы с мамой обязательно справимся.

И я, чёрт подери, уверен в этом.

Сажусь в машину и прежде чем поехать, смотрю в телефоне её местоположение.

Не слежу, мне просто необходимо знать, где она. Иначе это ощущение, что я теряю её, жрёт меня изнутри.

Только когда вижу, где она конкретно мнимое спокойствие рушится, как чёртов карточный домик.

Какого хрена ты творишь, Илона?!

Практически врезаю телефон в держатель на панели и давлю по газам, выруливая с парковки. Навигатор спокойным голосом озвучивает, что ехать сорок минут, а у меня их нет, блядь.

Знаю, что там подружка работает, но в рабочее время вряд ли они кофе решили попить.

Набираю жену, однако, по стандарту последних дней абонент не отвечает.

Сука!

Бью по рулю, матеря долбанные машины и ещё больше раздражаясь из-за её упёртости.

Там, где, чёрт возьми, не надо.

Без остановки набираю гребанный контакт, и без остановки слушаю продолжительные гудки.

Окей.

Просто, чтобы удостовериться ищу эту клинику и звоню на общий номер.

— Добрый день, клиника женского здоровья, чем могу вам помочь?

— Подскажите, а доктор Краснова принимает сегодня?

— Да, у врача ведётся приём до двадцати ноль-ноль сегодня.

— Спасибо.

Скидывая, не собираясь дослушивать, и снова непрерывно звоню ей.

Пролетаю пару светофоров на опасный красный, но это последнее, что интересует.

Наконец, спустя десятки звонков, я слышу её голос.

До парковки клиники аккуратно остаётся буквально сто метров.

— Что тебе нужно? — устало слышится она в трубке, а меня буквально на куски рвёт.

Глубоко вдыхаю, старательно пытаюсь не заорать на весь салон. Вместо этого снова получает руль.

— Ты сейчас же выйдешь от врача, Илона. Я не знаю, что ты там задумала, но если ты этого не сделаешь, я зайду в клинику и устрою там скандал, выведу тебя за руку.

— Герман, не веди себя как быдло. Прошу тебя. — слышу просьбу и шок в голосе, но она переходит границы.

— Я не стану, если послушаешь. Иначе покажу всем свою непривлекательную сторону. Давай, Илон. Я на парковке.

Отключаю звонок в ожидании того, что дверь откроется и она покажется. Пальцы тарабанят по рулю, а я бьюсь головой об подголовник, строя догадки, что она, мать её, задумала.

Когда спустя пять мучительных минут она, наконец, показывается в распахнутом пальто и с горящим ненавистью взглядом, только тогда я выдыхаю.

Садится в машину и выжидательно смотрит на меня, пока я сканирую лобовое своей машины.

— И какого, твою мать, черта?! — когда я молчу, верещит она. — Ты совсем ополоумел?! Мне в полицию обратиться?! Иски подавать?! Ты этого добиваешься, Баринов?!

Прикрываю глаза, держась за руль. А как только хочу ей ответить и популярно объяснить, меня отвлекает звук падающих на телефон уведомлений. И Илона их тоже видит.

Глава 24

— Раз уж ты здесь, — усмехаюсь, глядя, как падают уведомления на его телефон.

Герман ловит ступор, глядя тоже на экран своего смартфона, а у меня это всё вызывает ощущение какого-то, чёрт возьми, дешёвого театра. Когда на актёров и режиссёров не хватило денег, и взяли одного недо-артиста, который сейчас сидит передо мной и является главным в этой пьесе.

— Ты потерял все грани, Герман, — озвучиваю ему, глядя в глаза: — Мало того, что ты следишь за мной, хочешь какого-то пресловутого безоговорочного подчинения, коего в нашей жизни, в подобном ключе и не было никогда. Ты, видимо, со своей малолеткой забыл, что мы были партнёрами, но извини, дорогой, уж после всего случившегося — для меня ты не доминант.

Бью по самому важному. По самолюбию. По самооценке. Для мужчины это подобно выстрелу в голову, потому как его личные очки над головой тут же тают, а статус, который они воспевают в своих головах, медленно, но верно падает.

Однако если он не хочет слышать и понимать меня, то будет слушать всё то, что ему неприятно. Как было и мне.

— Илона! — цедит сквозь зубы, но я качаю головой.

Хватит пытаться достучаться до того, кто элементарно не готов признать, что он разрушил нас.

— Прекрати, Герман. Потому что если ещё раз ты выкинешь нечто подобное, то я больше не буду пытаться искать твой потерянный здравый смысл. Я напишу заявление, подам в суд, разгромлю твою репутацию, которая тебе так дорога, учитывая сложности незаконченных прерий с Крымским. Попрошу Яна переехать ко мне на время, пока его неадекватный отец пытается показать свою силу там, где необходимо искреннее признание и согласие. — я говорю это так смиренно, что даже сама удивляюсь. Но, видимо, всё-таки время с сыном и таблетки мне, пусть медленно, но помогают.

Он всё это время смотрит в лобовое. Кулаки сжаты на коленях, взгляд прямой и кажется, совсем неадекватный, но это я уже наблюдаю не один день.

Хочу выйти из машины ведь сказала всё, что хотела. Однако, как только я касаюсь ручки двери, то в эту же секунду звучит щелчок их блокировки.

— Ты услышал, что я тебе только что сказала? — устало спрашиваю.

Он молча кивает, но на меня не смотрит. Взгляд всё так же направлен вперёд. Вижу, как откидывает голову на подголовник, и пару раз бьётся ей. Наблюдаю, как он пытается справиться с тем, что на подкорке знает — я права.

Раньше в нашем доме была шутка, когда мы признавали правоту друг друга: Нельзя быть такими идеальными, — смеялись мы, — потому что идеальностью не отличались. Однако всегда знали, что, несмотря ни на что, мы придём к общему знаменателю.

Но сейчас уже нет. Не будет шуток, знаменателей и правоты.

Потому что наш брак закончился в тот день, когда я получила букет. А мой муж решил нагло лгать мне, выдумывая легенды.

— Илона, ты же знаешь, я не сдаюсь, — начинает он хрипло: — Мы никогда не пытались соревноваться друг с другом, но сейчас ощущение...

— Ответ очень прост, Герман, — перебиваю его: — Я уважала человека, с которым жила. Я была ему партнёром, другом, супругой...прислушивалась к мнению, шла на компромиссы, как и он. Я просто-напросто крепко любила. — он сглатывает и выше задирает подбородок, разминая шею: — Но моя любовь не может сосуществовать с потребительским сексом. Жена

и шлюха в разных лицах, в отличие от тебя, в моей парадигме — несочетаемое. Ты решил попробовать — я приняла твою пробу пера, но дальше без меня. — поджимаю губы.

Слёз нет, но эта пустота, она поднимается где-то в горле, как чёртова изжога.

— А теперь, если ты, как говоришь, любишь — выпусти меня из машины и уезжай.

Он резко посылает взгляд в меня и мотает головой, цепляя челюсти. Скручивает руль с противным звуком, пока я безэмоционально жду его следующего шага.

Как мне кажется, я популярно объяснила, что будет дальше. Его очередь вникать в мои слова и думать, как он того требовал от меня.

— Я дам время, Илона. — чеканит он, и слова даются ему крайне тяжело, будто он их силой выталкивает наружу: — Дам.

Уговаривает сам себя. Через боль и гордость — вижу.

— Время...без запуска бракоразводного процесса. — смотрит прямо, сжав от эмоций губы: — А затем мы все решим. Отзови своё заявление.

Глава 25

— Долго будешь делать вид, что ненавидишь меня?

— А я не делаю вид, Баринов. Жду, когда мы, наконец, разведёмся, и я начну свою счастливую жизнь... Без тебя.

Герман резко встаёт со стула, тяжёлыми шагами меряет кухню, но молчит. Жду его взрыва, понимая, что он точно будет. Вопрос лишь времени.

После того, что он устроил, примчавшись к клинике, я вообще перестала понимать и узнавать своего мужа. Да, Герман никогда не был сдержанным человеком. Он — Овен, пылкий, порой агрессивный и, не умеющий держать себя в руках, мужчина.

Но помимо этого, у него всегда была куча положительных качеств, которые скрывали эту импульсивность.

Сейчас... Увы, я не вижу никаких плюсов. Он — один сплошной минус.

— Развода не будет.

— парирует довольно спокойно, но эту песню мы уже слышали. И не раз.

Устало вздыхаю, заканчивая готовить ужин. Я делаю это ради сына. Он попросил меня, потому что ему важно познакомить нас — и меня, и отца — со своей девушкой.

Для него и для нас — это впервые. Он никогда особенно не делился историями про своих девочек. А тут... Сразу приводит знакомиться. Я уверена, что здесь что-то большее, чем просто секс. Там есть чувства.

Герману не отвечаю — какой в этом смысл? Он всё равно любые мои слова перевернёт в свою сторону. Нужно действовать иначе — вернее, молча, у него за спиной.

Не разрешает поставить спираль, не даёт добровольно развода — значит, придётся идти на крайние меры. Это же он сам меня научил действовать так, как не ожидает противник. Быть всегда на два шага впереди: один — ты делаешь, а второй — как план Б.

Сейчас, конечно, у меня нет даже плана А. Но он обязательно будет.

— Илона, — его руки ложатся на мои плечи, а губы целуют ту самую точку сзади на шее. Я должна сойти с ума от этого лёгкого прикосновения — так было всегда. Но не сейчас. Мозг стал работать куда активнее, чем сердце и душа. И сейчас мой разум не разрешает мне чувствовать.

— Давай с тобой, наконец, нормально поговорим.

— Герман, — отхожу от него, расставляя приборы по правилам этикета на столе. Сервирую новую посуду, ставлю салат, закуски, а горячее оставляю в духовке, чтобы не остыло.

— Ты понимаешь, что у меня нет желания что-либо обсуждать? Предлагаю на сегодняшний вечер забыть обо всём и не испортить его нашему сыну. Для него важно это знакомство. А после... после мы что-то решим.

Я не говорю ему, что решу я, а не мы. Не даю ему возможности распахнуться. Его эмоции могут снести меня с ног, поэтому держу марку максимально отстранённой женщины с хорошими манерами.

Герман, кажется, вовлекается в мою игру, что, несомненно, мне на руку.

Ян приезжает как раз в тот момент, когда я заканчиваю все приготовления. Волнуюсь, как первоклассница перед линейкой на первое сентября. Оказывается, знакомство с той, кто дорог твоему сыну, заставляет нервничать.

Я точно не из тех матерей, которые будут мешать счастьем ребёнка, учить его или, не дай Бог, осуждать его избранницу. Но всё же в голове я всегда рисовала образ идеальной невестки. Для меня главное — чтобы она любила моего сына, уважала его и не была глупой. Остальное не так важно.

Я правда не знаю, какой вкус у Яна. Но он у нас, хотя уже и молодой мужчина, довольно избирательный. Не думаю, что там будет плохая девушка.

Бегу открывать дверь первой. Герман следует за мной, дышит в спину, но я отключаюсь от всех мыслей, натягивая приветливую и дружелюбную улыбку.

Сердце почему-то неприятно и очень быстро бьётся, как у кролика на охоте, где он — жертва. Я торможу перед тем, как опустить руку на дверную ручку.

Предчувствие очень нехорошее. Оно пугает меня.

И, как оказывается, не зря. Потому что первым делом я замечаю не сына с букетом красивых пышных пионов...

Господи... Пионов.

Я замечаю её.

Ту, которая явно не один раз скакала на члене Германа. Ту, что тоже поднимает на меня взгляд и пребывает в шоке.

Она не выглядит так, словно знала, куда едет. А когда силуэт Германа появляется за моей спиной, её глаза вылетают из орбит.

И только сын, мой родной мальчик, совершенно не понимает, что происходит. Спокойно заходит в квартиру, вручает мне цветы, а другой рукой сжимает хрупкую девичью ладонь, заводя девушку внутрь.

Я не вижу лица Германа, но надеюсь, что он в таком же шоке, как и я.

Глава 26

Я изо всех сил пытаюсь найти опору, хотя ноги дрожат и почти подкашиваются, как будто земля подо мной больше не хочет держать. Краем глаза замечаю, как пальцы сжимаются в кулак — до белых костяшек.

Та самая София жмётся к моему сыну, как испуганный зверёныш, но в её взгляде, скользящем то в пол, то на Германа, читается не страх — там что-то другое...

От Баринова исходит такая плотная волна гнева, что я буквально ощущаю её на коже — как горячий ветер, обжигающий спину. Он не двигается, не издает ни звука, но я знаю — он на грани.

Ян, словно не чувствует этой бури рядом, продолжает, не видя очевидного:

— Ну вы чего застыли? — его улыбка чуть блекнет, становится настороженной. Но он всё ещё пытается держать контроль: одной рукой он обнимает её за талию и сжимает, будто закрепляя за собой право на неё. — Мам, давайте уже сядем за стол. Малыш, — он чмокает девушку в щеку, и я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать, — ванная, если что, там.

Соня тихо здоровается, замирая на миг, изображая из себя наивную скромницу, и почти бегом исчезает в ванной. Дверь закрывается с негромким щелчком, и в этот момент я понимаю — нужно немедленно собраться. Вдохнуть. Собрать себя из осколков. Стать ледяной, невозмутимой. Но внутри всё клокочет.

Я не хочу видеть эту девицу в своем доме. И уж тем более в роли невестки. Пусть я буду в глазах сына самой жестокой женщиной на свете, пусть он возненавидит меня — но я не приму её. Ни за что.

— Как вы познакомились, сынок?

Молчание Германа сводит меня с ума. Я слышу, как щелкают мои зубы от напряжения. Он молчит, упрямо стиснув челюсти.

Зачем? Почему я снова должна быть той, кто скажет правду?

— В баре, — наконец отвечает Ян. Его голос мягкий, слишком мягкий для такой сцены, будто он всё ещё верит, что это обычный семейный ужин. — Это, кажется, любовь... Почти с первого взгляда. Она очень хорошая, мам. Из серьёзной семьи, с высшим образованием. Умная, веселая, открытая. Вам она понравится, правда. Пожалуйста, будьте добрее. Я понимаю, сейчас непростое время, но...

Он делает паузу. Смотрит на меня, и в его глазах боль. Он думает, что я просто переживаю кризис среднего возраста или семейный конфликт. Он не понимает... не знает. Но скоро узнает. И тогда эта боль — лишь цветочек.

— Я хочу сделать Соне предложение, — говорит он.

И всё. Занавес.

Мир распадается, как карточный домик. Комната качается, и я хватаюсь за край тумбы, чтобы не рухнуть.

Такие совпадения бывают только в дешевых фильмах, да? В бульварных романах с замызганных газетных прилавков. Почему моя жизнь стала напоминать второсортное дерьмо? Где я согрешила? За что мне всё это?

— Нет, — наконец раздается голос Германа.

Стальной. Как топор, опущенный с размаху.

— Что, прости? — Ян моргает, брови взлетают вверх, он ошарашен.

— Ты не женишься на этой девушке.

— Пап, ты совсем еб... — сын осекается, лицо заливают гневный румянец. — Что ты несешь? Я взрослый человек. Это моя жизнь, мой выбор! Вы даже не дали ей шанса. Что вы, черт побери, себе позволяете?

— Родной, мы уже знакомы с твоей девушкой.

Я чуть ли не говорю вслух всё, но Герман поднимает руку. Хочет сказать сам? Хочет добить этот фарс?

— Ей нужно уйти из этого дома. Сейчас же, — спокойно озвучивает он, но с холодом, от которого стынет кровь.

Ровно через несколько секунд дверь ванной открывается. София выходит, поправляя помятую одежду, взгляд бежит по комнате. Она не знает, куда смотреть, куда встать. Лицо слегка побледнело. Она не ожидала, что правда выплывет так быстро.

— Сонь, — Ян вновь хватается её ладонь, будто защищая, прикрывая своим телом. — Прости. Видимо, ужина не будет. Родители просто... не в духе.

Я поднимаю глаза и впервые смотрю прямо на неё.

— София, — говорю я ровно, спокойно, в голосе ни дрожи, ни крика, только лезвие, холодное и прямое, — Вы не подходите нашему сыну. У вас ничего не получится.

— Мама! — Ян рычит, как раненое животное. — Вы оба с ума сошли?! Почему вы так с ней разговариваете? Вы ведь потеряете не только меня, но и... внука. Или внучку.

Меня захлёстывает ледяная волна.

Что он сказал? Что?..

— Ты беременна? — Герман резко поворачивается к ней.

Его голос — как выстрел. Он стоит прямо напротив неё. Против той, кого не так давно... брал.

Мои мысли срываются с цепи. От кого? От мужа или от сына? От кого ты беременна, девочка? В какую игру ты, черт возьми, играешь?

— Да... Я беременна от вашего сына.

Говорит уверенно. Даже слишком.

Она врёт. Я это чувствую нутром. Врёт, как дышит. Но никто, кажется, не замечает этого. Ян — потому что не хочет. Герман — потому что слишком поздно.

— Или от моего мужа? — слова сами слетают с моих губ.

Я не кричу. Я шепчу. Но в этой тишине это звучит как взрыв.

Глава 27

Соня округляет глаза, когда я это произношу. Что, не ожидала, стерва, что я это скажу?!

Ее взгляд открыто мечется между Яном и Германом. А я смотрю на сына.

Он отшатывается с полным неверием глядя на меня.

— Мам? — тянет он, а затем переводит глаза на Германа, и в них такое разочарование и боль, что у меня щемит в груди.

Зажимаю рукой место, где должно биться сердце, не в силах сделать вдох.

Прости, родной. Хотела бы я, чтобы это все было кошмарным сном.

— Ян, нам... — хрипит Герман прокашливаясь, но сын мотает головой и указывает на него пальцем.

С силой трёт подбородок второй рукой явно пребывая в своей собственной агонии.

— Ты и... — силло тянет Ян, тычет на отца и «свою» девушку: — Это правда?!

Безумный взгляд Яна направлен на Германа, на нее он даже не смотрит. Ждёт ответа от мужчины, в кот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.